

The image shows a close-up of a metallic, cracked face. At the top, there is a dark blue, shield-like shape. The face has two glowing blue eyes with a textured, circular pattern. The surface is heavily cracked and shows signs of wear. The text is overlaid on the face.

Ханну Райаниеми

КВАНТОВЫЙ ВОР

fan_zon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Ханну Райаниеми

Квантовый вор

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9(480)

ББК 84(4Фин)-44

Райаниеми Х.

Квантовый вор / Х. Райаниеми — «Эксмо», 2011 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-170044-7

Премии «Еврокон», «Блуждающая звезда», «Галактика». Номинации на премию «Локус», Мемориальную премию Джона Кэмпбелла. Лучшая НФ-книга года по версии Kirkus Review и Library Journal. Жан ле Фламбер — постчеловек и преступник, взломщик разумов, самоуверенный трикстер. Его происхождение окутано тайной, но его подвиги известны во всей Солнечной системе. Спасенный из футуристической тюрьмы таинственной Миели и ее разумным космическим кораблем, Жан отправляется на Марс, в Движущийся город, где время - валюта, воспоминания - сокровища, а превращенная в луну сингулярность освещает ночь. Миели предоставила ему шанс вернуть себе свободу и силу прежнего «я» — в обмен на завершение ограбления, с которым он когда-то не справился. Им предстоит сумасшедшая увеселительная поездка по Солнечной системе будущего, миру повсеместной криптографии, обмена воспоминаний и расы сверхлюдей, возникших из гильдий MMORPG. Несмотря на все свои чудеса, этот мир все еще управляется человеческими мотивами — предательством, мстостью и ревностью. «Изобретательный, экзотический, со сложной умной интригой». — The Times «Трудно признать, но я думаю, что Райаниеми разбирается в "твердой" научной фантастике лучше меня». — Чарльз Стросс «Многие авторы убили бы за то, чтобы написать прозу хотя бы наполовину такую хорошую, как эта...» — The Financial Times «Цепляющие нарратив и герои... НФ-концепции до ужаса хороши». — Sci-Fi Now «Фонтан идей». — Interzone «"Квантовый вор", как и другие лучшие космические оперы этого века, это дом чудес, где положения мгновенно становятся традицией, а аргументы бросаются в глаза». — Джон Клют «Блестящий роман!» — Strange Horizons

УДК 821.111-312.9(480)

ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-04-170044-7

© Райаниеми Х., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

1. Вор и дилемма узника	7
2. Вор и архонты	18
3. Сыщик и шоколадный костюм	24
Интерлюдия. Король	37
4. Вор и нищий	39
5. Сыщик и зоку	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ханну Райаниеми Квантовый вор

Hannu Rajaniemi
The Quantum Thief

© И. Савельева, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«...Наступает момент, когда за всем этим перестаешь видеть самого себя, – и тебе становится весьма грустно. Сейчас я испытываю те самые чувства, которые, должно быть, томили человека, потерявшего свою тень...»

Морис ЛЕБЛАН «Побег Арсена Люпена»¹

¹ Перевод с французского Н. Бордовских

1. Вор и дилемма узника

Перед тем как воин-разум и я начинаем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор.

– Как ты думаешь, все тюрьмы похожи одна на другую?

Я даже не знаю, слышит ли он меня. У него нет видимых органов слуха, только глаза – сотни человеческих глаз на концах стеблей, что растут из его тела, словно какие-то экзотические фрукты. Он парит по ту сторону от светящейся линии, разделяющей наши камеры. Огромный серебряный «Кольт», зажатый в покоем на ветку манипуляторе, мог бы показаться смешным, если бы не пристрелил меня уже четырнадцать тысяч раз.

– Тюрьмы похожи на аэропорты, когда-то существовавшие на Земле. Там никому не нравится. Там никто не живет. Мы просто проходим сквозь них.

У Тюрьмы сегодня стеклянные стены. Наверху сияет солнце, почти как настоящее, но бледнее. Вокруг меня во все стороны до бесконечности простираются миллионы камер со стеклянными стенами и стеклянными полами. Свет проходит сквозь прозрачные поверхности, и на полу появляются радужные пятна. Кроме них в камере ничего нет, и на мне тоже ничего нет: я нагой, словно только что появившийся на свет младенец, если не считать оружия в руке. Время от времени, когда удастся добиться выигрыша, нам позволяют кое-что изменить. Воин-разум достиг успеха, и в его камере летают невесомые цветы, красные, фиолетовые и зеленые пузырьки, вырастающие из водяных шаров, словно его собственные карикатурные изображения. Самовлюбленный ублюдок.

– Если бы у нас имелись уборные, двери должны были бы открываться внутрь. Ничто никогда не меняется.

Ладно, желание поговорить у *меня* уже иссякло.

Воин-разум медленно поднимает оружие. По стеблям его глаз проходит легкая дрожь. Жаль, что у него нет лица: влажный взгляд целого леса его глаз действует мне на нервы. *Неважно. На этот раз все должно получиться.* Я слегка наклоняю оружие, положение запястья и сам жест предполагают движение, как если бы я собирался поднять оружие. Каждый мой мускул взывает к *сотрудничеству. Ну же. Поддавайся. Все честно. На этот раз мы должны стать друзьями...*

Ослепительная вспышка: черный зрачок его ствола извергает пламя. Мой указательный палец дергается. Дважды грохочет гром. И в мою голову вонзается пуля.

Невозможно привыкнуть к ощущению горячего металла, врывающегося в твой череп и выходящего через затылок. Все это имитировано до мельчайших деталей. Плавающий вихрь в голове, теплая струйка крови и мозга на плечах и спине, внезапный холод и наконец – темнота, когда все вокруг замирает. Архонты «Дилеммы» сделали так, чтобы мы все это почувствовали. Это познавательно.

И сама Тюрьма всецело посвящена воспитанию. И теория игр: обучает принятию рациональных решений. Если бы я был бессмертным разумом, как архонты, возможно, у меня и нашлось бы время для подобных вещей. И это вполне в духе Соборности – верховного органа, управляющего Внутренней Солнечной Системой – поставить архонтов во главе всех тюрем.

Мы раз за разом играем в одну и ту же игру, только в разных вариантах. Архетипическая игра, любимая экономистами и математиками. Порой это испытание на выдержку: мы на огромной скорости мчимся навстречу друг другу по бесконечной автостраде и решаем, стоит ли отвернуть в самый последний момент. Иногда мы становимся солдатами в окопах, и между нами лежит полоса ничейной земли. А время от времени они возвращают нас к основам и снова превращают в заключенных – старомодных заключенных на допросе у суровых следователей, где нам предстоит выбор между предательством и обетом молчания. Сегодняшний выбор – огнестрельное оружие. Что будет завтра, я даже не пытаюсь угадать.

Жизнь выдергивает меня из темноты, словно шарик на резинке. Я отчаянно моргаю, мысли путаются и рвутся. Каждый раз, когда мы возвращаемся, архонты немного изменяют нервную систему. Они уверены, что в конце концов каждый заключенный на оселке Дарвина дойдет до состояния сотрудника.

Если они выстрелят, а я нет, – это проигрыш. Если мы стреляем оба – боль незначительная. Если мы заключаем союз, – для нас обоих наступает Рождество. Вот только всегда находится причина, чтобы нажать на курок. Согласно теории, бесконечно повторяющиеся встречи должны выработать склонность к сотрудничеству.

Еще несколько миллионов раундов, и я стану бойскаутом.

Точно.

В последней игре я заработал боль в костях. Мы оба пострадали: и воин-разум, и я. В этом раунде еще две игры. *Этого недостаточно. Проклятье.*

В игре против соседей трофеем является территория. Если в конце раунда твой счет выше, чем у соседей, ты выигрываешь и в награду получаешь собственных двойников, которые заменяют – и стирают – находящихся поблизости неудачников. Сегодня мне не слишком везет – только два двойных поражения, оба в игре против воина-разума, – и если я не изменю положение, грозит настоящее забвение.

Я взвешиваю свои шансы. Две клетки рядом со мной – слева и сзади – занимают двойники воина-разума. В камере справа сидит женщина, и как только я поворачиваю голову в ее сторону, стена между нами исчезает, уступая место голубой черте смерти.

Ее камера так же пуста, как и моя собственная. Женщина сидит в центре, обхватив руками колени, закрытые черным, похожим на тогу платьем. Ее смуглая кожа наводит на мысли об Оорте, о желтовато-коричневом азиатском лице и стройном, сильном теле. Я улыбаюсь и машу рукой. Она не обращает внимания. Тюрьма, видимо, рассматривает этот жест как взаимное сотрудничество: я чувствую, как мой счет немного подрастает, что создает ощущение теплоты, словно глоток виски. Стеклопанельная стена между нами возвращается на свое место. *Ладно, это было совсем просто.* Но против воина-разума этого недостаточно.

– Эй, неудачник, – слышится чей-то голос. – Ты ее не интересуешь. Рядом имеются более привлекательные варианты.

В последней из камер сидит мой двойник. На нем белая тенниска, шорты и огромные зеркальные солнцезащитные очки. Он лежит в шезлонге у края плавательного бассейна, на коленях книга «Хрустальная пробка»². Это одна из моих любимых книг.

– Победил опять не ты, – говорит он, даже не потрудившись поднять голову. – Опять. Что с тобой случилось, три проигрыша подряд? Пора бы уже усвоить, что все стремится к равновесию.

– В этот раз я его *почти* достал.

– Эта ложная мысль о сотрудничестве была неплохой идеей, – говорит он. – Вот только она ни за что не сработает. У воинов-разумов нестандартные затылочные доли мозга, отдельные спинномозговые каналы. Их невозможно обмануть зрительными иллюзиями. Жаль, что архонты не начисляют баллов за попытку.

Я изумленно моргаю.

– Постой-ка. Как ты можешь знать то, чего не знаю я?

– Неужели ты считаешь, что ты здесь *единственный* Фламбер? Я неплохо поработал. В любом случае, чтобы его побить, тебе требуется еще десять очков, так что вали сюда, и я попробую тебе помочь.

– Ты действуешь мне на нервы, красавчик.

² Одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

Я подхожу к голубой линии и впервые за этот раунд вздыхаю свободно. Он тоже поднимается, и из-под книги появляется изящный автомат.

Я наставляю на него указательный палец.

– Бум-бум, – говорю я. – Готов сотрудничать.

– Очень смешно, – отвечает он и, усмехаясь, поднимает оружие.

В его очках отражается моя уменьшенная обнаженная фигура.

– Эй, эй. Мы ведь с тобой заодно, не так ли?

И мне казалось, что это я обладаю чувством юмора.

– Разве все мы здесь не игроки и мошенники?

В голове что-то щелкает. Обаятельная улыбка, искусно имитированная камера – все это заставляет меня расслабиться, напоминает меня самого, но что-то здесь не так...

– Вот дерьмо.

В каждой тюрьме имеются свои слухи и свои страшилки, и наша не исключение. Я услышал это от одного зоку, с которым какое-то время сотрудничал. Легенда об аномалии. Абсолютный Предатель. Существо, которое никогда ни с кем не сотрудничает и остается безнаказанным. Этот тип обнаружил глюк в системе и всегда оказывается твоим двойником. А если нельзя доверять самому себе, кому же тогда верить?

– Да, – говорит Абсолютный Предатель и нажимает на курок.

«По крайней мере, это не воин-разум», – успеваю подумать я, перед тем как раздается оглушительный грохот.

То, что происходит потом, не поддается никакой логике.

Во сне Миели ест персик на Венере. Мякоть сочная, сладкая, с легкой горчинкой. Изысканное дополнение ко вкусу Сидан.

– Ты дрянь, – тяжело дыша, говорит она.

Они уединились в сфере из ку-точек, в четырнадцати километрах над кратером Клеопатры – маленьком островке жизни в отвесной пропасти гор Максвелла, где пахнет потом и сексом. Снаружи бушуют сернистые вихри. Янтарный свет, просачивающийся сквозь алмазную псевдоматерию оболочки, покрывает кожу Сидан медным налетом. Изгиб ее ладони в точности повторяет выпуклость холмика Венеры Миели над еще влажным влагалищем. Внутри еще слегка трепещут мягкие лепестки.

– Что я такого сделала?

– Много чего. Этому тебя научили в *губернии*?

На лице Сидан вспыхивает улыбка эльфа, в уголках глаз появляются едва заметные тонкие морщинки.

– Ты очень добра ко мне.

– Ты моя попка.

– А как насчет этого? Тебе нравится?

Пальчики свободной руки Сидан обводят серебристый контур бабочки, вытатуированной на груди Миели.

– Не трогай, – говорит Миели.

Внезапно ей становится холодно.

Сидан отдергивает руку и гладит Миели по щеке.

– Что случилось?

Мякоть персика съедена, осталась только одна косточка. Прежде чем выплюнуть, она перекачивает ее во рту. Маленький твердый предмет, испещренный воспоминаниями.

– Тебя здесь нет. Ты ненастоящая. Ты просто помогаешь мне сохранить рассудок в Тюрьме.

– Это помогает?

Миели притягивает ее к себе, целует в шею, слизывает капельки пота.

– Не совсем так. Я не хочу уходить.

– Ты всегда была сильнее меня, – говорит Сидан. Она ласково перебирает волосы Миели. – Но уже почти пора.

Миели прижимается к знакомому телу, так что украшенная драгоценными камнями змея на ноге Сидан причиняет ей боль.

Миели.

Голос пеллегрини проносится в ее голове дуновением холодного ветра.

– Еще немного...

Миели!

Трансформация – это тяжелый и болезненный процесс, как будто с размаху кусаешь персиковую косточку и твердое ядро реальности едва не ломает зубы. Тюремная камера, бледный искусственный свет. Стеклопанельная стена, за ней разговаривают два вора.

Миссия. Долгие месяцы подготовки и реализации. Внезапно сознание полностью проясняется, и в ее голове всплывает план операции.

Напрасно было позволять тебе эти воспоминания, слышится в ее голове голос Пеллегрини. Мы едва не опоздали. А теперь выпусти меня, здесь слишком тесно.

Миели плюет косточкой в стеклянную стену, и преграда рассыпается осколками льда.

В первый момент время замедляет свой ход.

Удар пули вызывает в голове холодную боль, словно череп наполнили мороженым. Я падаю, но падение приостанавливается. Абсолютный Предатель превращается в застывшую статую с поднятым оружием в руке.

Справа от меня разлетается вдребезги стеклянная стена. Осколки летают вокруг меня, блестят на солнце, словно новая стеклянная галактика.

Женщина из соседней камеры торопливо идет в мою сторону. В ее походке чувствуется целенаправленность, как будто после долгих репетиций. Словно актер, услышавший необходимую реплику.

Она осматривает меня с головы до ног. У нее коротко стриженные темные волосы и шрам на левой скуле – геометрически прямая черная линия на сильно загорелой коже. И светло-зеленые глаза.

– У тебя сегодня счастливый день, – говорит она. – Тебе предстоит кое-что украсть.

Она протягивает мне руку.

Боль в голове усиливается. Галактика из стекла вокруг нас приобретает странные очертания, словно появляется знакомое лицо. Я улыбаюсь. *Конечно. Это сон умирания. Какой-то сбой в системе – такое иногда случается. Разгромленная тюрьма. Двери в туалет. Ничего не меняется.*

– Нет, – говорю я.

Женщина из сна моргает.

– Я Жан ле Фламбер, – продолжаю я. – Я краду то, что захочу и когда захочу. Я покину это место, когда сам решу это сделать, и ни секундой раньше. По правде говоря, мне здесь нравится...

Мир вокруг меня становится ярко-белым от боли, и я больше ничего не вижу. Я смеюсь.

Где-то в моем сне кто-то смеется вместе со мной. *Мой Жан*, говорит второй, очень знакомый мне голос. *Ну конечно. Мы берем этого.*

Сделанная из стекла рука гладит меня по щеке, и в этот момент мой моделированный мозг решает, что пора умереть.

Миели держит на руках мертвого вора: он ничего не весит. Пеллегрини выплывает из персиковой косточки рябью раскаленного воздуха, а затем концентрируется в высокую женщину в белой одежде, с бриллиантами на шее и тщательно уложенными красновато-золотистыми локонами. Она кажется одновременно юной и старой.

Так-то лучше, говорит она. В твоей голове слишком мало места. Она широко раскидывает руки. А теперь пора вытаскивать тебя отсюда, пока детишки моего брата ничего не заметили. Мне еще надо здесь кое-что сделать.

Миели ощущает в себе чужую нарастающую силу и взлетает. Они поднимаются все выше и выше, ветер бьет в лицо, и на какое-то мгновение ей кажется, что она возвращается в домик своей бабушки Брихайн и снова обретает крылья. Тюрьма быстро превращается в сетку из крошечных квадратиков далеко внизу. Квадратики меняют цвет наподобие пикселей, образуя неимоверно сложные узоры из сотрудничества и предательства, словно картинки...

И как раз перед тем как Миели и вор скрываются в небе, Тюрьма принимает вид улыбающегося лица Пеллегрини.

Умирать – это все равно что идти по пустыне и думать о предстоящей краже. Мальчишка лежит на горячем песке под палящим солнцем и смотрит на робота у края площадки, занятой солнечными батареями. Робот похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но внутри него есть ценные вещи, за которые Одноглазый Ийя даст хорошую цену. И возможно – только возможно, – Тафалкайт снова назовет его сыном, как будто он член семьи...

Он никогда не хотел умереть в тюрьме, этом грязном нагромождении бетона и металла, полном отвратительных запахов и побоев. Разбитая губа причиняет боль. Парень читает книгу о человеке, похожем на бога. О человеке, кто делает все, что хочет, кто похищает тайны королей и императоров, кто смеется над законами и может изменить свое лицо, и ему стоит лишь протянуть руку, чтобы получить драгоценности и женщин. О человеке с названием цветка в имени.

Мне ненавистно сознавать, что они тебя схватили.

Грубым рывком поднимают его с песка. Солдат наотмашь бьет по лицу, а остальные нацеливают винтовки...

Это совсем не так забавно, как кража из алмазного разума. Бог воров прячется внутри думающей пыли, объединенной в одно целое квантовыми связями. Он выдает алмазному разуму одну ложь за другой, пока тот не начинает принимать его за одну из своих мыслей и пропускает внутрь.

Люди, которых великое множество, создали великолепные сверкающие миры как будто специально для него, и ему стоит лишь протянуть руку, чтобы их собрать.

Это все равно что умереть. А оживление похоже на поворачивающийся в замке ключ. Металлические засовы отходят в сторону. Входит богиня и объявляет, что он свободен.

Рождение.

Страницы книги переворачиваются.

Глубокий вдох. Все болит. В глазах двоится. Я прикрываю лицо огромными ладонями. Прикосновение вызывает вспышку молнии. Мускулы превратились в сеть стальных кабелей. Нос забит слизью. В животе обожженная бурлящая дыра.

Сосредотачиваюсь. Шум в ушах я превращаю в скалу – вроде тех, что стоят на равнине Аргир³ – большую, громоздкую и гладкую. Я мысленно падаю в тонкое сито, просачиваюсь сквозь него мелким красным песком. Скала не может за мной последовать.

Внезапно снова становится тихо. Я прислушиваюсь к своему пульсу. Он почему-то невероятно ровный: каждый удар словно тиканье самого точного механизма.

Слабо пахнет цветами. Дуновения воздуха шевелят волосы на руках и других местах – я все еще обнажен. Невесомость. Неслышное, но осязаемое присутствие интеллектуальной материи. И другого человеческого существа где-то неподалеку.

³ Плато на Марсе.

Что-то щекочет мне нос. Я отмахиваюсь и открываю глаза. Белая бабочка улетает в яркий свет.

Моргаю. Я на борту корабля – по первому впечатлению, это оортианский паучий корабль – в цилиндрическом помещении около десяти метров длиной и пяти метров в диаметре. Стены прозрачные, цвета грязноватого кометного льда. Внутри них заключены странные статуэтки, словно рунические письмена. Круглые деревья-бонсаи и многоугольные предметы мебели медленно кружатся вокруг центральной оси цилиндра. За стенами звездная темнота. И повсюду вокруг белые мотыльки.

Моя спасительница парит неподалеку. Я улыбаюсь ей.

– Юная леди, – говорю я, – вы самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел.

Мой голос звучит как-то издалека, но это мой голос. Интересно, правильно ли они восстановили мое лицо? Вблизи она выглядит невероятно молодой, совсем юной: в ее ясных зеленых глазах нет выражения скуки все познавшего человека. Она осталась в той же простой одежде, в которой была в тюрьме. Ее поза в воздухе обманчиво свободная, гладкие стройные ноги вытянуты, расслаблены, но наготове, как у мастера единоборств. Цепочка из разноцветных драгоценных камней обвивает ее лодыжку и тянется вверх по ноге.

– Прими мои поздравления, вор, – говорит она. Низкий голос звучит ровно и размеренно, но в нем угадываются презрительные нотки. – Побег удался.

– Надеюсь, что это так. Насколько мне известно, все это может оказаться одним из новых вариантов «Дилеммы». До сих пор архонты вели себя достаточно последовательно, но трудно не стать параноиком, если ты *действительно* попал к ним в виртуальный ад.

Между ног у меня что-то дрогнуло, и, по крайней мере, одно из сомнений развеялось.

– Извини. Прошло так много времени, – говорю я, изучая свою возбужденную плоть с отстраненным интересом.

– Похоже на то, – нахмурившись, отвечает она.

На ее лице появляется странное выражение – смесь раздражения и возбуждения, – и я понимаю, что она, должно быть, прислушивается к этой телесной биотической связи и частично ощущает то же, что и я. Значит, еще один надзиратель.

– Можешь мне поверить, ты выбрался оттуда. И это потребовало значительных затрат. В Тюрьме, безусловно, еще остается несколько миллионов тебя, так что можешь считать себя счастливым.

Я цепляюсь рукой за поручень на центральной оси и передвигаюсь за один из бонсаев, скрывая свою наготу подобно Адаму. Из-под листьев вылетает целое облако бабочек. Усилие производит странное впечатление: мускулы моего нового тела еще только пробуждаются.

– Прекрасная леди, у меня имеется имя. – Я протягиваю ей руку поверх дерева. Она нерешительно принимает ее и сжимает пальцы. Я отвечаю самым крепким рукопожатием, на какое способен. Выражение ее лица не меняется. – Жан ле Фламбер к вашим услугам. Хотя ты абсолютно права. – Я беру в руку цепочку на ее ноге. Она извивается в пальцах, как живая. Змея из драгоценных камней. – Я вор.

Ее глаза распахиваются. Шрам на щеке чернеет. И я внезапно оказываюсь в преисподней.

Я бесплотная точка в темноте, я неспособен сформулировать ни одной связной мысли. Мой разум зажат в тиски. Что-то сдавливает меня со всех сторон, не пропуская ни мыслей, ни воспоминаний, ни ощущений. Это в тысячу раз хуже, чем пребывание в Тюрьме. И длится целую вечность.

А потом я возвращаюсь, тяжело дыша, с болью в животе, и вокруг летают сгустки желчи. Но я бесконечно благодарен за каждое ощущение.

– Никогда не смей больше так делать, – говорит она. – Твой разум и тело предоставлены тебе на время, это понятно? Укради то, что тебе скажут, и тебе позволят все это сохранить.

Драгоценная цепь по-прежнему обвивает ее лодыжку. На щеке подергивается мускул.

Приобретенные в Тюре инстинкты приказывают мне заткнуться и прекратить пререкания, но человек-цветок, живущий во мне, должен высказаться, и я не в силах его остановить.

– Слишком поздно, – говорю я, еще не отдышавшись.

– Что?

Морщинка, появившаяся на ее гладком лбу, по-своему прекрасна – словно мазок кисти.

– Я исправился. Вы вытащили меня слишком поздно. Теперь, мадемуазель, я законченный альтруист, существо, полное доброй воли и любви к ближнему. Я даже подумать не могу о том, чтобы принять участие в каком-то противозаконном деянии, даже ради моей прекрасной спасительницы.

Она пристально смотрит мне в лицо.

– Очень хорошо.

– Очень хорошо?

– Если ты мне не подходишь, придется вернуться и взять кого-то другого. «Перхонен», заключи его, пожалуйста, в сферу и выброси наружу.

Несколько мгновений мы молча смотрим друг на друга. Я чувствую себя дураком. Я слишком долго метался между поражением и сотрудничеством. Пора выбираться из этой вереницы. Я первым отвожу взгляд.

– Подожди, – медленно говорю я. – Теперь, когда ты об этом заговорила, я, возможно, вспомню о своих некоторых корыстных побуждениях. Я уже чувствую, как они возвращаются.

– Я так и думала, что они вернутся, – говорит она. – В конце концов, ты считался неисправимым.

– Итак, что же дальше?

– Скоро узнаешь, – отвечает она. – Меня зовут Миели. Это «Перхонен», мой корабль. – Ее рука описывает широкий жест. – Пока ты находишься здесь, мы твои боги.

– Куутар и Илматар⁴? – спрашиваю я, называя оортианских богов.

– Может быть. Или Человек Тьмы⁵, если предпочитаешь.

Она улыбается. При мысли о том месте, куда она поместила меня в прошлом, я вижу в ней мрачного оортианского бога бездны.

– «Перхонен» покажет тебе твою каюту.

Вор уходит, и Миели опускается на кресло пилота. Она чувствует себя измотанной, хотя биотическая связь ее тела – которая вместе с «Перхонен» ждала ее несколько месяцев – свидетельствует о полученном в полной мере отдыхе. Но душевный разлад намного хуже обычной усталости.

Она ли это была в Тюреме? Или кто-то другой?

Она вспоминает долгие недели подготовки, дни, проведенные в квантовом скафандре, замедляющем время, готовность совершить преступление только ради того, чтобы быть схваченной архонтами и попасть в Тюрьму. Вечность, проведенную в камере, погруженной в давние воспоминания. А затем стремительный побег по небу при поддержке пеллегрини, пробуждение в новом теле, сопутствующие дрожь и слабость.

И все ради вора.

И теперь еще и квантовая связь, соединяющая ее с телом, которое создала для вора пеллегрини, и постоянная приглушенная настороженность в его мыслях. Словно лежишь рядом с незнакомцем и ощущаешь, как тот ворочается во сне. Доверие богини Соборности наверняка доведет ее до сумасшествия.

⁴ Персонажи финского эпоса.

⁵ «Человек тьмы» (англ. Darkman) – супергеройский фильм режиссера Сэма Рэйми. Сценарий фильма был написан Сэмом Рэйми, ссылаясь на фильмы ужасов 1930-х годов.

Он прикоснулся к камням Сидан. Гнев помогает, но ненадолго. Нет, дело не только в нем, но и во мне самой.

– Я отделалась от вора, – говорит «Перхонен».

Этот теплый голос в ее голове, по крайней мере, принадлежит ей, а не имитирован Тюрьмой. Миели берет в ладони одну из бабочек, и трепещущие крылышки щекочут ей кожу, словно в руках бьется пульс.

– Ощущаешь влюбленность? – насмешливо спрашивает корабль.

– Нет, – отвечает Миели. – Я просто скучала по тебе.

– Я тоже, – говорит корабль. Бабочка выпархивает из ее рук и вьется над головой. – Это было ужасно – оставаться в одиночестве и ждать тебя.

– Я знаю, – говорит Миели. – Прости.

Внезапно в голове возникает какое-то тревожное ощущение. Какой-то разрыв в мыслях, словно что-то было вырезано, а затем вставлено заново. *Вернулась ли я из Тюрьмы прежней?* Она знает, что могла бы обратиться к метамозгу Соборности, попросить выделить это ощущение, локализовать и удалить его. Но это не метод для воина Оорта.

– Ты плохо себя чувствуешь. Нельзя было тебя туда отпускать, – говорит «Перхонен». – Это дело не пошло тебе на пользу. Она не должна была заставлять тебя это делать.

– Ш-ш-ш, – предостерегает Миели. – Она услышит.

Но уже поздно.

Глупый корабль, говорит Пеллегрини. *Тебе следовало бы усвоить, что я всегда забочусь о своих детях.*

Пеллегрини уже здесь, она парит над Миели.

Непослушная девочка, продолжает она. *Ты не воспользовалась моими дарами. Дай-ка я посмотрю.*

Она грациозно опускается рядом с Миели, скрестив ноги, словно под действием земной силы тяжести. Затем прикасается к щеке Миели, и взгляд карих глаз упирается в ее глаза. У пеллегрини теплые пальцы, только одно из ее колец остается холодной черточкой, как раз на том месте, где находится шрам. Миели вдыхает запах ее духов. В голове что-то *поворачивается*, шестеренки механизма сдвигаются и со щелчком встают на свои места. Внезапно ее мысли становятся гладкими, словно шелк.

Ну, так лучше? Когда-нибудь ты поймешь, что наши методы работают. Не стоит гадать, кто есть кто, надо понять, что все они – это ты.

Тревога угасает, как огонь под потоком холодной воды. От неожиданного облегчения она едва сдерживает слезы. Миели готова расплакаться, но только не перед ней. Поэтому она просто открывает глаза и ждет, готовая повиниться.

Ни слова благодарности? Очень хорошо.

Пеллегрини открывает свою сумочку, достает маленький белый цилиндр и подносит ко рту. Один конец цилиндра загорается и выпускает дурно пахнущий дым.

Итак, скажи мне: что ты думаешь о моем воре?

– Говорить не мое дело, – тихо произносит Миели. – Я живу, чтобы служить.

Хороший ответ, хотя и немного наскучил. Разве вор не хорош? Ну же, отвечай начистоту. Неужели ты будешь тосковать по своей малышке-любовнице рядом с таким, как он?

– Он нам нужен? Я могу это сделать. Позволь мне служить, как я служила прежде...

Безупречно красивые губы Пеллегрини изгибаются в улыбке.

Не в этот раз. Ты хоть и не самая могущественная из моих слуг, зато самая преданная. Слушайся меня, и твоя вера будет вознаграждена.

После этого она исчезает, а Миели остается одна в кресле пилота, и вокруг ее головы вьются бабочки.

Моя каюта лишь немного просторнее, чем стенной шкаф. Я пытаюсь проглотить протеиновый молочный коктейль из фабриката с закусками и напитками, прикрепленного к стене, но мое новое тело еще не приспособилось усваивать пищу. Пришлось некоторое время провести на вакуумном унитазе – автономно работающем контейнере, который выскакивает из стены и прикрепляется к заднице. Похоже, оортианские корабли не отличаются высоким комфортом.

Одна из закругляющихся стен имеет зеркальное покрытие, и во время унижительной, но необходимой процедуры я рассматриваю свое лицо. Оно выглядит *неправильно*. Теоретически все повторено в точности: губы, глаза Питера Лорре⁶ (как сказала одна из моих подружек сто лет назад), вдавленные виски, короткие волосы, слегка седеющие и редкие, привычная стрижка; худощавое, ничем не примечательное тело в приличном состоянии, с пучком волос на груди. Но, глядя на него, я не перестаю моргать, словно изображение не в фокусе.

Что еще хуже, точно такое же ощущение внутри моей головы. Пытаясь что-то вспомнить, я словно ощущаю языком дырку на месте выпавшего зуба.

Как будто что-то *украдено*. Смешно.

Я стараюсь отвлечься и выглядываю наружу. Стена каюты обладает достаточным увеличением, чтобы разглядеть вдали Тюрьму «Дилемма». Это сверкающий тор диаметром почти в тысячу километров, но отсюда он выглядит блестящим прищуренным глазом, который уставился прямо на меня. Я невольно сглатываю слюну и отвожу взгляд.

– Рад оказаться снаружи? – раздается голос корабля.

Голос определенно женский, почти как у Миели, только моложе и звучит как голос существа, с которым я бы не отказался встретиться в более благоприятной обстановке.

– Ты себе даже не можешь представить, как я рад. Это не слишком приятное место. – Я вздыхаю. – Я бесконечно благодарен твоему капитану, хоть она и явилась в самый последний момент.

– Послушай, – говорит «Перхонен». – Ты же не знаешь, через что ей пришлось пройти, чтобы тебя вытащить. Я с тебя глаз не спускаю.

Интересное замечание, стоит его запомнить и учесть при дальнейших исследованиях. Как же ей *удалось* меня вытащить? И на кого она работает? Но для этих вопросов еще рановато, и я просто улыбаюсь.

– Ладно, какую бы работу она для меня ни придумала, это лучше, чем каждый час получать пулю в голову. А твой босс не будет недоволен, узнав, что ты со мной разговариваешь? Я имею в виду беседу с криминальным интриганом и все такое.

– Думаю, я сумею с тобой справиться. Кроме того, строго говоря, она не мой *босс*.

– Вот как.

Я старомоден, но сексуальные отношения между людьми и гоголами всегда волновали меня в юности, а от старых привычек трудно избавиться.

– Ничего *подобного*, – говорит корабль. – Мы просто друзья! Кроме того, она меня создала. Ну, не меня, а корабль. Знаешь, я намного старше, чем кажется.

Мне становится интересно, настоящий ли акцент у этого голоса. – Я слышал о тебе. Давно. До Коллапса.

– Я бы сказал, ты выглядишь ни на день старше трех сотен лет. Тебе понравилось то, что ты слышала?

– Мне понравилось похищение солнечного подъемника. Классный угон.

– Классный, – соглашаюсь я. – Именно к этому я всегда и стремился. Кстати говоря, ты выглядишь не старше трехсот лет.

– Ты в самом деле так думаешь?

⁶ Петер Лорре (нем. Peter Lorre, настоящее имя Ладислав (Ласло) Левенштайн, 26 июня 1904 – 23 марта 1964) – австрийский и американский киноактер, режиссер, сценарист.

- Гм. Судя по тому, что я успел увидеть, это так.
- Хочешь, я проведу тебя по кораблю? Миели не будет возражать, она сейчас занята.
- С удовольствием.

Это определено женщиной – возможно, Тюрьма не полностью лишила меня шарма.

Внезапно я чувствую настоящую потребность одеться: разговаривая с существом женского пола любого рода, не имея на себе даже фигового листка, я ощущаю себя излишне уязвимым.

– Похоже, у нас будет масса времени познакомиться поближе. Но, может быть, ты для начала снабдишь меня какой-нибудь одеждой?

И «Перхонен» создает для меня костюм. Ткань слишком гладкая – я не люблю носить вещи из интеллектуальной материи, – но когда я вижу себя в белой рубашке, черных брюках и темно-бордовом пиджаке, ощущение скованности немного рассеивается.

Затем она показывает мне спаймскейп, и мир внезапно возникает передо мной в новом свете. Я шагаю туда, покинув свое тело, мой взгляд перемещается в космос, и я вижу корабль со стороны.

Я был прав: это оортианский паучий корабль. Он состоит из отдельных модулей, связанных между собой нановолокнами, причем жилые отсеки вращаются вокруг центральной оси, словно кабинки карусели в луна-парке, что создает некоторое подобие гравитации. Связующие волокна образуют сеть, по которой модули могут перемещаться, как пауки в паутине. Паруса из квантовых частиц – концентрические кольца, созданные из искусственных атомов и тонкие, словно мыльные пузыри, – расходятся вокруг корабля на несколько километров. Они с одинаковой легкостью способны улавливать солнечный свет, информационные мезочастицы и лучи маяков Магистрала, а кроме того, представляют собой потрясающее зрелище.

Затем я украдкой бросаю взгляд на собственное тело и испытываю при этом *настоящее* потрясение. Взгляд из спаймскейпа позволяет увидеть все детали. Сеть ку-точек под кожей, протеомические компьютеры в каждой клетке, плотный компьютероний в костях. Подобная система могла быть создана только в близких к Солнцу мирах-*губерниях*. Выходит, что мои спасители работают на Соборность. Интересно.

– Я думала, что ты хочешь познакомиться со *мною*, – обиженно говорит «Перхонен».

– Конечно, – отвечаю я. – Просто хотел убедиться, что выгляжу подобающим образом. Знаешь, в Тюрьме я совсем отвык от женского общества.

– А кстати, почему ты там оказался?

Удивительно, но до сих пор я об этом даже не задумывался. Я был слишком занят оружием, поражениями и сотрудничеством.

Почему же я попал в Тюрьму?

– Хорошенькой девушке вроде тебя не стоит беспокоиться о подобных вещах.

«Перхонен» вздыхает.

– Наверно, ты прав. Наверно, не стоило мне с тобой разговаривать. Если Миели об этом узнает, она может огорчиться. Но у нас на борту так давно не было никого *интересного*.

– Да, в такой местности трудно надеяться на приличных соседей. – Я указываю на звездные поля вокруг. – Где мы находимся?

– Это Троянские астероиды Нептуна. Задрипанная дыра в пустоте. Когда она ушла тебя вытаскивать, я долгое время ждала здесь ее возвращения.

– Тебе необходимо поближе познакомиться с жизнью преступников. Она вся сплошь состоит из ожидания. Скука, перемежаемая вспышками откровенного ужаса. Некоторое подобие войны.

– О, на войне было гораздо лучше, – взволнованно восклицает она. – Мы участвовали в Протокольной войне. Мне понравилось. Приходится так *быстро* думать. Знаешь, мы проделывали удивительные вещи, даже украли луну. Это было потрясающе. Метиду, как раз перед

Вспышкой. Миели установила внутри странглетовый заряд, чтобы столкнуть ее с орбиты. Какой был фейерверк, ты не поверишь...

«Перхонен» внезапно замолчала. Мне показалось, она опасалась, что сказала что-то лишнее. Но нет: ее внимание привлекло нечто другое.

Вдали, между паутиной парусов корабля, векторами спаймскейпа и метками жилых модулей, появилась россыпь ослепительно ярких шестиконечных звезд. Я увеличил степень приближения. Острые и вытянутые, словно клыки, силуэты темных кораблей с барельефами семи лиц на носовой части – тех самых лиц, что украшают каждое здание Соборности: боги-короли триллионов подданных. Я привык выпивать, глядя на них.

Приближались архонты.

– Не знаю, что ты такого сделал, – говорит «Перхонен», – но, похоже, они хотят заполучить тебя обратно.

2. Вор и архонты

Что же я сделала?

Кресло пилота мягко обнимает ее тело, но сердце Миели тревожно бьется. *В Тюрьме что-то пошло неправильно. Но все было так, как и во время имитаций. Почему же они нас преследуют?* Она погружается в боевую сосредоточенность, обеспеченную содействием пеллегрини. Возникает ощущение прохладного покрывала, и мир распадается на векторы и гравитационные колодцы. Мысли Миели объединяются с логикой «Перхонен» и заметно ускоряются.

Объекты: «Перхонен».

Рассеянные в пространстве астероиды Трояна, вращающиеся вокруг 2006RJ103 – две сотни тысяч обломков скал, населенных медленномыслящими представителями синтетической жизни.

Тюрьма, плотный, темный и холодный ромбовидный тор в тридцати световых секундах позади, отправная точка маршрута «Перхонен».

Корабли-клинки архонтов, приближающиеся с ускорением в 5g, что намного превосходит плавную тягу световых парусов «Перхонен». Факелы, выбрасываемые их работающими на антиматерии двигателями, в спаймскейпе превращаются в огненные столбы рассеянных мезонов и гамма-лучей.

Магистраль, в двадцати световых секундах по курсу, – их следующий пункт назначения. Непрерывный поток кораблей, одна из немногих редких неизменно идеальных плоскостей в N-частичном ньютоновском кошмаре Солнечной системы, гравитационная артерия, позволяющая легко и быстро перемещаться посредством легчайших толчков. Спасительное убежище, но слишком далеко отсюда.

– Ну ладно, – выдыхает Миели. – Боевая тревога.

Под оортианским сапфиново-коралловым корпусом пробуждается скрытая технология Соборности. Паучий корабль трансформируется. Разбросанные модули скользят вдоль своих направляющих и соединяются в плотный тугий конус.

Квантовые паруса из превосходных отражателей превращаются в алмазно-прочный защитный барьер.

Как раз вовремя, перед самым ударом наноракет архонтов.

Первый залп вызывает лишь легкие толчки, не приносящие никакого вреда. Но следующая партия адаптирует и оптимизирует прицел, а потом еще одна и еще, пока не разрушится либо программный блок, либо сама конструкция защитного барьера. А затем...

Нам необходимо добраться до Магистрали.

Серверы в ее мозгу как будто алмазными зубцами высекают теоретико-игровые направления. Перед ней так же много путей, как толкований оортианской песни, и требуется выбрать только один...

Еще один залп сверкает в спаймскейпе бесчисленными иглами света. На этот раз некоторые из них пробивают барьер. Один из грузовых модулей расцветает уродливым сапфировым наростом. Она спокойно удаляет его и наблюдает, как отсек, все еще меняясь, словно злокачественная опухоль, отдаляется от корабля, формируя странные органы, которые стреляют в щит «Перхонен» спорами размером с молекулу. В конце концов модуль сгорает в лучах противометеоритных лазеров.

– Это больно, – говорит «Перхонен».

– Боюсь, эту боль придется испытать еще не один раз.

Она за один раз сжигает весь аварийный запас антиматерии, поворачивая корабль в неглубокий гравитационный колодец 2006RJ103. Антипротоны из магнитного кольца-хранилища превращаются в раскаленные выбросы плазмы, вызывая стоны «Перхонен». Часть

высвободившейся энергии она направляет на подкачку мощности программируемых стержней, вырабатывающих материал корпуса. Архонты легко повторяют ее маневр, приближаются и снова стреляют.

Вокруг Миели раздаются стоны «Перхонен», но состояние сосредоточенности заставляет заниматься первоочередными задачами. Она усилием мысли заменяет странглетовый снаряд в крохотном арсенале «Перхонен» торпедой на квантовых частицах и стреляет в астероид.

Спаймскейп на мгновение заливаet ослепительная вспышка гамма-лучей и экзотических барионов. А затем каменная глыба превращается в фонтан света, в негаснущую молнию. Прибор пытается приспособиться, но срывается на белый шум и гаснет. Миели, вынужденная лететь вслепую, снова разворачивает крылья «Перхонен». Вихрь частиц, образовавшийся при гибели астероида, подхватывает корабль и несет их к Магистрале. Внезапное ускорение наливаet тяжестью ее тело, а сапфировая структура корабля начинает петь.

Спаймскейпу потребовалось лишь мгновение, чтобы справиться с безумными помехами вихревых потоков частиц. Миели затаила дыхание: в медленно расширяющемся светящемся облаке позади них не видно черных хищных кораблей. Или они потонули в вихре взрыва, или потеряли свою цель в безумии субатомных потоков. Она выходит из состояния боевой сосредоточенности и позволяет себе насладиться триумфом.

– Мы сделали это, – говорит она.

– Миели? Мне нехорошо.

На корпусе корабля расплывается черное пятно. А в центре торчит крошечный черный осколок, темный и холодный. Осколок наноракеты архонтов.

– Избавься от него.

Страх и отвращение после погружения в боевую сосредоточенность вызывают во рту резкий и противный привкус желчи.

– Я не могу. Я не могу даже прикоснуться к нему. От него пахнет Тюрьмой.

Миели со страстной мольбой обращается к той части разума, к которой прикоснулась богиня Соборности. Но Пеллегрини не отвечает.

Корабль вокруг меня умирает.

Я не знаю, что сделала Миели, однако, судя по вспышке миниатюрной сверхновой, что озарила космос несколько минут назад, она неплохо преуспела в этой войне. Но теперь по сапфировым стенам расплзается паутина черноты. Так вот что придумали архонты: они внедряются в тебя и превращают *тебя* в Тюрьму. Микрочастицы работают все быстрее и быстрее, распространяя запах горящих опилок, преодолевая все защитные системы корабля. Вместе с запахом появляется шум – рев лесного пожара.

Что ж, я считаю, это было слишком хорошо, чтобы долго продолжаться. Правительство – это лучший полицейский.

Я пытаюсь возродить возбуждение, испытанное при краже драгоценности Миели. Возможно, я смогу унести эти камешки с собой. А может, это было всего лишь предсмертное видение и я никогда не выходил на свободу. Все это была лишь тюрьма в тюрьме.

А потом в моей голове раздается насмешливый голос.

Жан ле Фламбер отступает. Тюрьма сломала тебя. Ты заслуживаешь того, чтобы вернуться обратно. Ты ничем не отличаешься от сломанных воинов-разумов, безумных игрушек Соборности и забытых покойников. Ты даже не помнишь своих подвигов и приключений. Ты не он, ты просто воспоминание, считающее себя...

Черт побери, нет. Всегда есть какой-то выход. Нельзя стать заключенным, если сам себя таковым не *считаешь*. Так сказала мне богиня.

И я внезапно понимаю, что должен сделать.

– Корабль.

Проклятье. Не отвечает.

– Корабль! Мне необходимо поговорить с Миели!
Опять ничего.

В каюте становится жарко. Надо торопиться. Снаружи, в безвоздушном пространстве пойманным полярным сиянием горят паруса «Перхонен». Корабль так разогнался, что возникла гравитация, не меньше половины g. Вот только направления искажены: низ оказался где-то в задней части центрального отсека. Я выбираюсь из каюты, цепляюсь за поручни и начинаю карабкаться к рубке пилота.

Ослепительная вспышка обжигает раскаленным воздухом: целый сегмент цилиндра, медленно вращаясь, уносится вниз, в бездну. От вакуума меня теперь отделяет только мгновенно возникшая стена из квантовых точек, тонкая, как пленка мыльного пузыря. И удалять инфекцию уже слишком поздно. Вокруг меня летают горячие сапфировые осколки: один из них, острый, как бритва, оставляет на моем предплечье болезненный кровавый след.

Очень жарко, запах горящих опилок распространился повсюду. По стенам расползается чернота: корабль тлеет, превращаясь в нечто иное. Сердце в груди колотится, как будто горбун из Нотр-Дам бьет в колокол, но я упрямо карабкаюсь вверх.

Сквозь сапфировую переборку я уже могу заглянуть в рубку: клубящиеся облака тумана, Миели в своем кресле, ее глаза закрыты. Я кулаком стучу в дверь.

– Дай мне войти!

Я не знаю, поражен ли ее мозг. Все, что я знаю наверняка, так это то, что она уже может быть в Тюрьме. Но, если этого не произошло, она мне нужна, чтобы выбраться из этой переделки. Я крепче хватаюсь за поручень и пытаюсь разбить дверь ногой. Никакого результата. Или она сама, или корабль должны приказать сапфиру разойтись.

Сапфир. Я вспомнил выражение лица Миели, когда очнулся возбужденным. Биотическая связь существует, но, вероятно, фильтруется. Однако должен же быть какой-то порог...

Ерунда. Отсутствие времени на колебания облегчает задачу. Я подхватываю в воздухе длинный тонкий осколок сапфира и со всех сил втыкаю в левую ладонь между пястными костями. Я едва не теряю сознание. Осколок по пути рвет сухожилия и вены, царапает кости. Это все равно что пожать руку Сатане: боль полыхает перед глазами красно-черными пятнами. Появляется запах крови: медленными искаженными каплями она вытекает из раны и уносится вниз.

Это первая реальная боль, которую я ощущаю после заключения в Тюрьму, и в этом есть что-то смешное. Я смотрю на голубой осколок, торчащий из руки, и начинаю смеяться, пока боль не становится настолько сильной, что смех превращается в вопль.

Кто-то сильно бьет меня по лицу.

– Проклятье, что ты придумал?

Миели широко раскрытыми глазами смотрит на меня из дверного проема рубки.

Отлично, по крайней мере, она это почувствовала.

Вокруг нас клубится туман, и к нему примешивается серая пыль, что наводит на мысли о падающем пепле в горящем городе.

– Доверься мне, – говорю я ей, усмехаясь и истекая кровью. – У меня есть план.

– У тебя десять секунд.

– Я могу от него избавиться. Обмануть их. Я знаю, как это сделать. Мне известен образ их мышления. Я провел там *долгое* время.

– А почему я должна тебе верить?

Я поднимаю окровавленную руку и выдергиваю осколок сапфира. Раздается противный чавкающий звук, а потом глаза снова застилает вспышка боли.

– Потому что я скорее воткну это себе в глаз, но туда не вернусь.

Одно мгновение она смотрит мне в глаза, а потом искренне улыбается.

– Что тебе для этого нужно?

– Мне необходим полный доступ к системам корабля. Я знаю, чем это нам грозит. Мне нужен доступ к компьютерным ресурсам, и не только к базовым.

Миели глубоко вздыхает.

– Ладно. Вышвырни этого мерзавца с моего корабля.

Потом она закрывает глаза, и в моей голове что-то *щелкает*.

Я *корень*, а мое тело – Иггдразиль, Древо Вселенной. В его костях алмазные механизмы, а в каждой клетке продукты протеомической технологии. А мозг – это настоящий мозг Соборности районного масштаба, способный управлять целыми мирами. Моя психическая личность в нем меньше, чем одна страничка в библиотеке Вавилона. Одна часть меня усмехается и мгновенно находит путь бегства – воспользоваться частью удивительной машины и направить ее в космос, оставив моих спасителей моим тюремщикам. А другая часть меня, как ни удивительно, *возражает*.

Я двигаюсь по умирающему кораблю и ищу наноракету. Теперь я не похож на неуклюжую обезьяну, а плавно скольжу по воздуху, словно миниатюрный космический корабль. Мои обострившиеся чувства определяют точку в толще производственного модуля в дальнем конце цилиндра. Именно отсюда распространяется материя Тюрьмы.

Одним движением мысли я создаю копию изображения спаймскейпа «Перхонен». Затем приказываю сапфировой плоти корабля открыться. Стена превращается во влажное мягкое желе. Я глубоко запускаю в него руку, дотягиваюсь до ракеты и вытаскиваю ее наружу. Снаряд крохотный, не больше одной клетки, но сделан в виде клыка с острыми зубинами. Мое тело обхватывает его щупальцами из квантовых точек. Я поднимаю находку вверх: такая мелочь, но внутри заключен разум архонта, наблюдающего за превращением корабля в Тюрьму.

Я подношу ее ко рту, раскусываю и глотаю.

Архонт доволен.

В момент исследования вора он на мгновение ощутил диссонанс, какое-то несоответствие, словно обнаружил двух воров в одном.

Но за пределами Матери-Тюрьмы творятся странные вещи: здесь ведется нечестная игра. Старая вздорная физика не столь безупречна, как игра архонтов – совершенная в своей простоте и в то же время охватывающая всю математику в ее неразрешимости. Вот почему его задание заключается в превращении этой материи в еще одну Тюрьму, в придании Вселенной большей чистоты. Вот что научил их любить их Отец, Творец Душ. Только таким методом можно исправить мир.

А это отличная материя для превращения в Тюрьму. В предвкушении системы повторной «Дилеммы» у него даже увлажнился рот. Его отец-имитатор открыл образец, напоминающий по вкусу ореховое мороженое: повторяющаяся серийная стратегия, как флаер в Игре Жизни. Возможно, и ему удастся обнаружить что-то новенькое здесь, на его собственной маленькой игровой доске.

Далеко-далеко отсюда его братья-имитаторы нашептывают по кват-связи свои жалобы на огорчительное несоответствие, на аномалию при обнаружении побега вора и той, другой. Он заверяет их, что все уже сделано, что они вскоре вернуться к Матери-Тюрьме, а он принесет кое-что новенькое.

Он смотрит вниз, на сеть клеток, где обитают мелкие воры и бабочки, и женщина-оортанка, которых он обнаружил в этой сладкой материи. Скоро Игра начнется снова, теперь уже в любой момент.

Она будет иметь вкус лимонного шербета, решает архонт.

– Магия, – говорю я ей. – Тебе известно, как работают магические трюки?

Я уже вернулся в свое человеческое состояние. Воспоминания о развернутых ощущениях и компьютерной мощи постепенно бледнеют, но еще живы, словно фантомная боль в утрачен-

ной конечности. И кроме того, внутри меня остался архонт, запертый в моих костях, в глубоком компьютерном морозильнике.

Мы сидим в тесном складском модуле, его вращение вокруг оси обеспечивает силу тяжести, а корабль занимается восстановлением. А вокруг нас сверкающий поток космических кораблей, рассеянных в пространстве более тысячи кубических километров, но приближенных благодаря особенности внешнего покрытия корпуса «Перхонен». Здесь и сверхскоростные генерационные суда зоку с колоссальными выбросами тепла, для которых один день путешествия равен тысяче лет, и похожие на китов корабли безмятежности с зеленью и миниатюрными искусственными светилами внутри, и повсюду, словно мотыльки, летают сгустки мыслей Соборности.

– На самом деле все очень просто, дело в нейробиологии. Отвлеченное внимание.

Миели не обращает на меня внимания. Она накрывает стоящий между нами столик. Там уже стоят оортианские блюда: и странные прозрачные пурпурные кубики, и извивающиеся продукты синтжизни, и аккуратно нарезанные разноцветные – тщательно сфабрикованные – фрукты, и два маленьких стакана. Ее движения сосредоточены и размеренны, словно при проведении ритуала. По-прежнему игнорируя меня, она вынимает из стенного шкафчика бутылку.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Мы празднуем, – отвечает она.

– Да, это стоит отметить. – Я усмехаюсь. – Должен признаться, мне потребовалось немало времени, чтобы понять. Ты не поверишь, но разум Соборности можно подвергнуть частичной слепоте. Ничего не меняется. Я ведь переключил его сенсорные входы и закачал в них имитацию, основанную на показаниях спаймскейпа «Перхонен». Он до сих пор уверен, что строит Тюрьму. Только очень медленно.

– Понимаю.

Она хмурится, глядя на бутылку, вероятно, прикидывая, как ее откупорить. Отсутствие интереса к моему гениальному плану вызывает у меня раздражение.

– Понимаешь? Это похоже на простой трюк. Посмотри.

Я протягиваю руку к вилке, делаю вид, что обхватываю ее пальцами, а на самом деле сталкиваю себе на колени. Затем поднимаю обе руки и раскрываю пальцы.

– Исчезла. – Она изумленно моргает. Я снова сжимаю левый кулак. – Или трансформировалась. – Разжимаю пальцы – и на ладони извивается ее драгоценная цепочка.

– Никогда больше не прикасайся к ней, – говорит она. – Никогда.

– Обещаю, – искренне говорю я. – С этого момента мы действуем заодно. Договорились?

– Согласна, – несколько изменившимся голосом отвечает она.

Я глубоко вздыхаю.

– Со слов корабля я узнал, что ты сделала. Чтобы вытащить меня, ты спустилась в преисподнюю, – говорю я. – Что же заставило тебя на это решиться?

Она не отвечает и резким движением отворачивает крышку бутылки.

– Послушай, – продолжаю я. – Это касается твоего предложения. Я передумал. Я украду то, что тебе так необходимо украсть. И неважно, на кого ты работаешь. И даже сделаю это так, как ты захочешь. Считай, что это долг чести.

Она наливает вино. Густая золотистая жидкость очень медленно вытекает из бутылки. Наконец я поднимаю свой стакан.

– Выпьем за это?

Раздается звон наших стаканов: для того чтобы чокнуться при низкой силе тяжести, требуется немалая ловкость. Мы пьем.

Таниш-Эрбен Таниш, 2343. Слабый запах дерева отличает самое выдержанное вино. Иногда его называют «Дыхание Тадеуша».

Откуда я могу это знать?

– Мне нужен не ты, вор, – говорит Миели. – А тот, кем ты *был*. И это первое, что мы должны украсть.

Я тарашусь на нее, вдыхая «Дыхание Тадеуша». И вместе с запахом приходят воспоминания, годы и годы другого бытия наполняют меня,

как вино наполняет бокал. «Средней упитанности, крепкая, с признаками энтузиазма», – говорит он с улыбкой, глядя сквозь рислинг, искрящийся жидким светом. «Кто это средней упитанности?» – со смехом восклицает она. И он уже уверен, что завоевал ее.

Но именно он принадлежит ей все эти годы любви и вина, проведенные в Ублиетте⁷.

Он – я – сумел это скрыть. Стеганография мозга. Эффект Пруста. Необнаруженные архонтами ассоциативные воспоминания, открывающиеся запахом, который невозможно уловить в тюрьме, где ты никогда не ешь и не пьешь.

– Я гений, – объявляю я Миели.

Она не улыбается, а только слегка прищуривает глаза.

– Значит, на Марс, – говорит она. – В Ублиетт.

Мне становится холодно. Понятно, что в этом теле и в этом разуме мне не достичь никакого уединения. Просто еще одна тюрьма и еще один надзиратель. Но в качестве заключения эта тюрьма намного лучше предыдущей: красивая женщина, тайны и отличная еда, и море кораблей, уносящих нас навстречу приключениям.

Я улыбаюсь.

– Место забвения, – говорю я и поднимаю стакан. – За новые начинания.

Она молча пьет со мной. А яркие паруса «Перхонен» уже несут нас по Магистрали.

⁷ Ублиетт (*франц.*) – подземная колодцеобразная тюрьма в некоторых средневековых замках в Западной Европе.

3. Сыщик и шоколадный костюм

Запах кожи на шоколадной фабрике удивляет Исидора. Шум конш-машин рождает эхо в высоких стенах из красного кирпича. К нему примешивается ворчанье окрашенных в кремовый цвет труб. В блестящих стальных емкостях непрерывно вращаются лопасти, и каждый неторопливый поворот выдавливает из шоколадной массы очередную порцию ароматов.

На полу, в луже шоколада, лежит мертвый мужчина. В бледном утреннем марсианском свете, падающем на него из высокого окна, труп превращается в статую страдания: худой жилистый плакальщик с запавшими висками и реденькими усами. Глаза открыты, в них видны белки, но остальная часть лица покрыта слоем черно-коричневой массы из резервуара, в который он вцепился, словно хотел там утопиться. Белый фартук и вся остальная одежда так густо покрыты пятнами, что могут использоваться в качестве пособия для теста Роршаха.

Исидор прищуривается, чтобы получить доступ к экзопамяти Ублиетта. В результате лицо мужчины становится ему знакомым, словно лицо старого друга. *Марк Деверо. Третье Достойное воплощение. Шоколатье. Женат. Имеет одну дочь.* Это первые факты, и по спине Исидора пробежали мурашки. В начале каждого расследования он всегда чувствует себя ребенком, разворачивающим подарок. За этой смертью, под слоем шоколада, что-то скрывается.

– Скверное дело, – раздается резкий звучный голос, от которого он невольно вздрагивает.

Ну конечно, по другую сторону от трупа, опираясь на трость, стоит Джентльмен. Солнце яркими бликами играет на гладком металлическом овале его лица, составляющего резкий контраст с чернотой длинного бархатного плаща и цилиндра.

– Когда вы меня вызвали, – говорит Исидор, – я не предполагал, что это еще один случай гогол-пиратства.

Он старается выглядеть равнодушным, но полностью скрывать свои чувства посредством гевулота было бы грубо, и он позволяет себе выразить некоторую долю энтузиазма. Это всего лишь третья его личная встреча с наставником. Работать с одним из самых уважаемых стражей порядка Ублиетта было для него равносильно воплощению мальчишеской мечты. И все же он не ожидал, что Джентльмен пригласит его к расследованию интеллектуальной кражи. Подслушивание ведущих умов Ублиетта агентами Соборности и представителями третьей стороны было именно тем преступлением, которое поклялись предотвращать наставники.

– Прими мои извинения, – говорит Джентльмен. – В следующий раз я выберу более экстравагантный случай. Смотри внимательнее.

Исидор достает увеличительное стекло работы зоку – подарок Пиксил, гладкий диск из интеллектуальной материи, закрепленный на бронзовой ручке, – и смотрит на тело сквозь него. Перед ним сменяются изображения вен, тканей мозга и клеточной структуры, загадочными морскими чудовищами проплывают картины метаболизма мертвого тела. Он снова щурится, на этот раз на незнакомую медицинскую информацию, а затем морщится от легкой головной боли, когда записи перекачиваются в его временную память.

– Какой-то вид... вирусной инфекции, – нахмурившись, говорит он. – Ретровирус. Стекло показывает, что в клетках его головного мозга наблюдается аномальная генетическая цепочка, что-то вроде результата деятельности археобактерий. Как скоро мы сможем с ним поговорить?

Исидор недолюбливает допрашивать оживленных жертв преступления: их воспоминания всегда отрывочны, а кое-кто и вовсе не желает нарушить традиционное для Ублиетта право на частную жизнь, даже ради поимки собственного убийцы или расследования случая гогол-пиратства.

– Возможно, никогда, – говорит Джентльмен.

– Как?

– Это случай оптогенетической закачки из информационного модуля. Очень грубо: вероятно, имела место агония. Это старый прием, придуманный еще до Коллапса. Его испытывали на крысах. Мозг объекта заражается вирусом, который делает его клетки сверхчувствительными к желтому цвету. А затем мозг в течение нескольких часов подвергается воздействию лазеров, перехватывается система нацеливания, и информационный блок учится ее имитировать. Вот откуда взялись эти маленькие отверстия на черепе. Оптические волокна. Каналы закачки. – Затянутой в перчатку рукой наставник осторожно приподнимает редкие волосы шоколатье, и под ними обнаруживаются два небольших темных пятнышка, расположенных в нескольких сантиметрах друг от друга.

– Этот способ оставляет массу разнообразной информации, но вся она проходит мимо гевулота. И безусловно, полностью разрушает его экзопамять. Можно сказать, убивает его. Тело, скорее всего, умирает от тахиаритмии. Воскресители работают над его следующим телом, но надеяться на это не стоит. Если только мы не сумеем выяснить, куда ушла информация.

– Понятно, – говорит Исидор. – Вы правы, это действительно *интересный* случай для гогол-пиратства.

При упоминании «гоголов» он не в силах скрыть своего отвращения: мертвые души, запрограммированные разумы человеческих существ, обреченные подчиняться чужой воле. Это проклятие для каждого обитателя Ублиетта.

Как правило, гогол-пиратство – похищение разума без ведома жертвы – основано на принципах прикладной социологии. Пираты втираются в доверие к выбранному объекту и понемногу подрывают сопротивляемость его гевулота, пока не получают возможность совершить решительную атаку. Но здесь...

– Концепция гордиева узла. Простая и элегантная.

– Я бы не сказал, что здесь возможно употребить определение «элегантная», мой мальчик. – В голосе наставника слышится оттенок гнева. – Хочешь посмотреть, что с ним произошло?

– Посмотреть?

– Я наведал его. Воскресители уже работают. Зрелище не из приятных.

– Ох.

Исидор невольно слюгивает слюну. Сама смерть не так отвратительна, как то, что за ней следует, и от одной этой мысли его ладони становятся влажными. Но, если он хочет когда-нибудь стать наставником, ему придется побороть страх перед потусторонним миром.

– Конечно, если вы считаете, что это принесет пользу.

– Хорошо.

Наставник протягивает ему открытые ладони и делится совмещенной памятью. Исидор, польщенный интимностью этого акта, принимает ее. И в его памяти сразу возникает комната в подzemелье, где Воскресители в темных одеяниях заполняют только что отштампованные тела разумами, восстановленными из экзопамяти. Восстановленный шоколатье лежит в резервуаре с синтбиотической жидкостью, как будто принимает ванну. Доктор Феррейра прикасается ко лбу неподвижного тела красиво оправленным в бронзу декантатором. Внезапно сверкают белки глаз, раздается протяжный вопль, конечности лихорадочно дергаются, затем слышится щелчок вывихнутой челюсти.

Исидора тошнит от запаха кожи.

– Это... ужасно.

– Жаль, это слишком по-человечески, – говорит Наставник. – Но кое-какая надежда все-таки есть. Если мы сможем отыскать информацию, доктор Феррейра считает, что сможет отсечь помехи от его экзопамяти и восстановить его полностью.

Исидор глубоко вздыхает. Свой гнев он растворяет в спокойном озере тайны.

– А ты не догадываешься, почему здесь оказался?

Исидор посредством гевулота исследует помещение – повсюду ощущается характерное для граждан Ублиетта стремление сохранить свою личность в неприкосновенности. Все заведение кажется обтекаемо-гладким. Пытаться проникнуть в экзопамять, касающуюся происходящих здесь событий, все равно что хватать руками воздух.

– Для него это было весьма уединенное место, – говорит Исидор. – Я не думаю, что он открывал свой гевулот даже для самых близких членов семьи.

Появляются три маленьких синтбиотических дрона – большие проворные пауки, окрашенные в ярко-зеленый и пурпурный цвета. Они подкручивают ручки конш-машины, и ритм немного повышается. Один из них останавливается, чтобы исследовать Наставника, паучьи лапы трогают его плащ. Наставник отталкивает дрона резким движением трости, и тот убирается прочь.

– Правильно, – говорит Наставник.

Он приближается к Исидору и встает так близко, что в серебристом овале появляется неискаженное отражение его лица. Волнистые волосы растрепались, щеки горят.

– У нас нет иной возможности восстановить произошедшие здесь события, кроме как старинным способом. И как ни грустно мне это признавать, у тебя, похоже, имеется к этому определенный талант.

На таком близком расстоянии от Наставника ощущается странный сладковатый запах, напоминающий ароматы специй, а металлическая маска как будто излучает тепло. Исидор делает шаг назад и откашливается.

– Конечно, я сделаю все, что в моих силах, – говорит он, делая вид, что смотрит на свои Часы – простой медный диск на запястье с единственной стрелкой, отсчитывающей его срок жизни до перехода в состояние Спокойного. – Надеюсь, что это не займет много времени, – говорит он, но дрогнувший голос лишает его возможности притвориться равнодушным. – Я должен сегодня попасть на вечеринку.

Джентльмен ничего не говорит, но Исидор отчетливо представляет себе циничную улыбку, скрываемую маской.

К жизни пробуждается еще одна машина. Это устройство выглядит более сложным, чем примитивные конш-машины из нержавеющей стали. Витиеватые украшения на латунных деталях указывают на то, что механизм принадлежит к эпохе Королевства: фабрикатор. Изящная штанга, похожая на часовую стрелку, танцует над металлическим поддоном и несколькими точными штрихами атомных лучей вырисовывает аккуратный ряд масаgone⁸. Дроны запаковывают сладости в небольшие коробки и уносят.

Исидор осуждающе хмурит брови: настоящий ремесленник Ублиетта не должен полностью полагаться на технологии. Но очертания устройства каким-то образом складываются в едва уловимый образ, формирующийся в его мозгу. Он присматривается к машине более внимательно. Поддон покрыт тонкими полосками шоколадной массы.

– Для начала мне, безусловно, потребуется все, что у вас есть, – говорит он.

– Тело обнаружил его помощник. – Легким движением руки в белой перчатке Джентльмен передает Исидору небольшой фрагмент памяти: лицо и имя. Тот воспринимает объект как мимолетное знакомство. Сив Линдстрем. Смуглая кожа, хорошенькое личико, черные волосы, зачесанные в завиток цвета темного какао. – И семья согласилась с нами поговорить... Что ты делаешь?

Исидор кладет в рот кусочек шоколада, взятый с подноса перед фабрикатором, быстро щурится и вздрагивает от головной боли, сопутствующей чужим воспоминаниям. Но они помогают ему распознать слабый привкус бузины, горечь и странность terroir⁹ в долине Нанеди. В

⁸ Миндальное печенье (франц.)

⁹ Земля, почва (франц.)

этом шоколаде что-то *не так*, чувствуется какая-то странная хрупкость. Он подходит к телу шоколатье и пробует шоколад из емкости, которая все еще зажата в его руках. Этот шоколад, безусловно, обладает самым обычным вкусом.

Очертания истории шоколатье непроизвольно, мазок за мазком, как *masarone* перед фабрикатом, непроизвольно проявляются в его мозгу.

– Расследую, – говорит Исидор. – Сначала я хотел бы встретиться с его продавцом.

Обратная дорога в город приводит Исидора и Джентльмена в Черепаший парк.

Это само по себе свидетельство успеха дела шоколатье. Здание из красного кирпича с огромной фреской, изображающей зерна какао, расположено в одном из лучших мест города. Зеленое пространство с невысокими пологими холмами протянулось примерно на три сотни метров, и, как большинство взаимосвязанных частей Города, парк перемещается на шагающей роботизированной платформе. Зеленые лужайки испещрены высокими изящными виллами эпохи Королевства, которые молодежь из числа Богатых-временем Ублиетта реставрирует и возвращает в состав города. Исидор никогда не мог понять, как кто-то из его поколения мог сжигать свое Время ради материальных ценностей и услуг, тратя Достойные жизни на кратковременное изобилие перед тем, как посвятить себя долговому, изматывающему труду в положении Спокойного. Особенно если еще есть нераскрытые тайны.

Парк открыт для всех, но это не агора, и, проходя по песчаным дорожкам, они минуют нескольких посетителей, закрывшихся гевулотом. Завеса уединения мерцает вокруг людей, словно утренняя роса на траве.

Исидор, желая хоть ненадолго остаться наедине со своими мыслями, идет быстро, пряча руки от холода в рукава одежды. Длинные ноги обычно всегда помогали ему держаться впереди остальных. Но Джентльмен, не прилагая никаких видимых усилий, по-прежнему держится рядом.

Ты соскучился, не так ли?

Кват-послание Пиксил весьма лаконично. Вместе с ее голосом оно приносит с собой целый букет ощущений: привкус эспрессо и странный аромат избыточной чистоты колонии зоку.

Исидор потирает кольцо сцепления на указательном пальце правой руки: серебряный ободок с крошечным синим камешком, передающим сообщения непосредственно в его мозг. Он еще не совсем привык к кват-связи зоку. По сравнению с разделенной памятью жителей Ублиетта передача сообщений от мозга к мозгу непосредственно через квантовый телепатический канал кажется ему непристойным и насильственным способом общения. Первый способ выглядит более деликатным: внедрение сообщений в экзопамять адресата, чтобы информация *вспоминалась*, а не поступала напрямую. Но все, что касается Пиксил и ее народа, требует определенных компромиссов.

– Не могу в это поверить. Стоило твоему наставнику щелкнуть пальцами, и ты оставляешь на меня всю подготовку к вечеринке. А теперь ты скучаешь.

– Я не скучаю.

Он возражает слишком поспешно и лишь в следующее мгновение сознает, что ответил неправильно.

– Я рада. Потому что ты больше не услышишь от меня ни слова, если не явишься вовремя.

Кват приходит с отчетливо эротичным ощущением скользкой по гладкой коже ткани, как будто ласка.

– Я решаю, что надеть. Примеряю платья, потом снова их снимаю. Я думаю, это надо превратить в игру. И мне бы пригодилась чья-нибудь помощь. Но тебя нет.

Прошлая ночь в небольшой квартирке Исидора в Лабиринте была для них одной из лучших: никаких посторонних, только они с Пиксил. Он приготовил ужин, а потом она про-

демонстрировала ему изобретенную игру, стимулирующую и интеллектуально, и физически. Но когда она заснула, он еще долго лежит, а колесики мозга крутятся вхолостую, отыскивая систему в завитках ее рассыпанных по спине волос.

Он пытается подобрать верные слова, однако образ мертвого шоколатье не желает покидать его мысли.

– **Это всего лишь гогол-пиратство,** – передает он, добавив к словам безразличное пожатие плечами. – **Дело не займет много времени. Я буду вовремя.**

Ответ Пиксил сопровождается вздохом.

– **Это. Очень. Важно. Собираются все мои зоку. Все зоку. Хотят посмотреть на меня, на мятежницу. И увидеть моего глупого примитивного приятеля из Ублиетта. У тебя есть только два часа.**

– **Я уже многого добился...**

– **Два. Часа.**

– **Пиксил...**

– **Знаешь, я могла бы испортить тебе всю игру. Я могла бы рассказать, кто такой твой наставник на самом деле. Как бы тебе это понравилось?**

Он *почти* уверен, что это лишь пустая похвальба. Ку-технология зоку обеспечивает ей возможности, намного превосходящие потенциалы старой мирной технологии Ублиетта, но стражи наставников строго следят за каждым из них. Тем не менее даже от одной мысли, что он упустил возможность что-то выяснить, что не поставил на место последнюю деталь, ему становится страшно. Исидор не успевает подавить это чувство, и его ужас частым тяжелым сердцебиением уносится по каналу кват-связи.

– **Видишь? Вот что на самом деле важно. Развлекайся. Негодяй.**

После этих слов она отключилась.

– Как поживает малышка Пиксил? – спрашивает Джентльмен.

Исидор не отвечает и пытается шагать еще быстрее.

Магазин шоколада находится на одной из широких торговых улиц Края, на плавно изгибающемся вдоль южной границы города бульваре. Здесь, как сообщают путеводители, относительно большие платформы и стабильная планировка. Поэтому здесь всегда много выходцев из других миров, жаждущих поглядеть на Ублиетт. Рестораны и кафе только начинают открываться и разжигать жаровни, чтобы сделать прохладный марсианский воздух приятным для ранних посетителей. Вокруг них тотчас собираются пурпурные и зеленые биодроны, протягивающие к теплу свои тонкие конечности.

Джентльмен останавливается около узкого окна магазина. В витрине выставлены очень интересные вещи: шар размером с футбольный мяч, представляющий собой масштабную модель Деймоса эпохи Королевства, усыпанный разноцветными леденцами, и замысловатый канделябр, свисающий с потолка. И то и другое сделано из шоколада. Но внимание Исидора привлекает другой объект. Это одежда: строгий жакет с высоким воротником, кушаком на поясе и пышной юбкой, застывшей шоколадными воланами.

Наставник открывает дверь, и раздается звон бронзового колокольчика.

– Вот мы и пришли. Как могла бы сказать твоя подружка, игра начинается. Я буду поблизости, а тебе предоставляю вести разговор.

Внезапно он исчезает, словно привидение под бледными утренними лучами солнца.

Магазин узкий и длинный, слева тянется стеклянный прилавок, а справа – ярко освещенные полки витрин. Здесь приятно пахнет шоколадом и карамелью, не то что сырой кожей на фабрике. Под стеклом прилавка, словно жучки в разноцветных панцирях, поблескивают конфеты. Образцы фигурного шоколада расположены справа. Среди них изогнутое крыло бабочки высотой в человеческий рост с узором в виде женского лица, напоминающего посмертную маску. Крыло невероятно тонкое и изготовлено из шоколада цвета обожженной глины.

Внимание Исидора на мгновение привлекает пара красных башмачков с развевающимися шоколадными лентами. На всякий случай он их запоминает: нынешнее настроение Пиксил, возможно, придется исправлять при помощи подарка.

– Ищете что-то особенное?

Прозвучавший голос знаком ему по экзопамяти. *Сив Линдстрем*. В жизни она кажется более усталой, чем в воспоминаниях, на ее привлекательном лице залегли морщины. Их Часы обмениваются фрагментами стандартного магазинного гевулота, после чего она узнает, что он ничего не понимает в шоколаде, но обладает Временем для его приобретения, а он усваивает общедоступные рекламные экзовоспоминания о ее магазине. Ее гевулот, вероятно, скрывает какие-то эмоции, но перед Исидором проявляется лишь безупречный фасад отличного обслуживания.

– У нас отличный выбор масаgone, свежие, только что с фабрики.

Она показывает на прилавок, куда синтбиотический робот аккуратными рядами выкладывает шоколадные диски в разноцветных обертках.

– Я подумывал, – говорит Исидор, – о чем-то... более существенном. – Он показывает на шоколадный костюм. – Что-то вроде этого. Могу я посмотреть на него поближе?

Продавец выходит из-за прилавка и открывает стеклянную панель, отделяющую витрину от магазина. У нее неровная шаркающая походка давнего жителя Марса, страдающего от недостатка земной силы тяжести: так двигается неоднократно битая собака, ожидающая удара даже во время ласки. Исидор вблизи рассматривает тщательно воспроизведенные детали одежды, шероховатость летящей ткани и прекрасные оттенки цвета. *Возможно, я ошибся*. Но затем он ощущает легкую дрожь ее гевулота. *А может, и не ошибся*.

– Ну вот, – не меняя тона, говорит она. – Это и в самом деле примечательный образец. Костюм скопирован с одежды Достойной женщины из Олимпийского Двора и выполнен из шоколада трюделль. Мы испробовали четыре вида смеси. Шестьсот ароматических компонентов, и подбирать их надо очень тщательно. Шоколад – неустойчивый материал, он требует особого внимания.

– Как интересно, – говорит Исидор, стараясь принять вид пресыщенного, богатого временем молодого человека.

Он достает увеличительное стекло и изучает кромку одежды. Волнистый край превращается в кристаллическую решетку сахаров и молекул. Он пытается проникнуть в глубину воспоминаний свежего шоколада. Но тут вмешивается гевулот магазина, засекший нежелательное вторжение в частную жизнь, и изображение мгновенно теряет резкость.

– Что вы делаете? – спрашивает Линдстрем, уставившись на него, как будто только что увидела.

Исидор хмуро смотрит на равномерный спектр.

– Проклятье. Я его почти достал, – говорит он и дарит Линдстрем одну из своих лучших улыбок, от которой, по словам Пиксил, у пожилых женщин размягчаются даже кости. – Вы не могли бы попробовать одежду на вкус?

Продавец смотрит на него с недоверием.

– Что?

– Прошу прощения, – говорит Исидор. – Я должен был сказать сразу. Я расследую печальное происшествие с вашим работодателем.

Он приоткрывает свой гевулот ровно настолько, чтобы она узнала его имя. Взгляд ее зеленых глаз на мгновение застывает, женщина щурится, а затем глубоко вздыхает.

– Так, значит, вы и есть тот чудо-мальчик, о котором все говорят. Тот, что видит лучше, чем наставник. – Она возвращается за прилавок. – Если вы не собираетесь ничего покупать, я попросила бы вас уйти. Я хочу, чтобы магазин был открыт. И он хотел бы того же. Почему я должна с вами разговаривать? Я уже рассказала все, что знаю.

– Потому, – отвечает Исидор, – что они считают, будто вы имеете к этому какое-то отношение.

– Из-за чего? Из-за того, что я его нашла? Да я получила столь малый фрагмент его гевулота, что едва знала его фамилию.

– Потому что это вполне логично. Вы из Первого Поколения, это видно по вашей походке. А это означает, что вы почти столетие провели в состоянии Спокойности. В такой ситуации разум человека способен на самые странные вещи. Иногда даже появляется *желание* снова стать машиной. Гогол-пираты могут сделать это за деньги. Или взамен оказанной услуги. Например, если вы поможете похитить разум известного на весь мир шоколатье...

Ее гевулот закрывается окончательно, и она становится расплывчатой меткой-заполнителем, означающей личность, скрытую пеленой уединения: в то же время Исидор понимает, что остается для нее пустым местом. Но это длится одно мгновение. Затем она возвращается: глаза прикрыты, сжатые кулаки подняты к груди, на смуглой коже выделяются побелевшие от напряжения костяшки.

– Все было не так, – тихо говорит она.

– Не так, – соглашается Исидор. – Потому что у вас был с ним роман.

В его мозгу тикают Часы. Она предлагает заключить контракт гевулотов, подобный осторожному рукопожатию. Он принимает предложение: разговор в течение следующих пяти минут не будет фиксироваться его экзопамятью.

– Ты и вправду не такой, как они? Наставники.

– Нет, – говорит Исидор. – Не такой.

Она берет в руки конфетку.

– Ты знаешь, как трудно сделать шоколад? Как много времени занимает этот процесс? Он показал мне, что это не просто сласти, что в шоколад надо вложить частицу себя самого, сделать своими руками нечто реальное.

Она вертит в пальцах конфету, словно это талисман.

– Я долгое время провела в Спокойствии. Ты слишком молод, чтобы понять, что это значит. Ты – это ты, но не совсем: часть тебя, которая говорит, делает другие вещи, делает машинально. И спустя какое-то время начинаешь считать, что так и должно быть. Но чувствуешь, что это не так. До тех пор, пока кто-то не поможет обрести себя снова.

Она откладывает в сторону наполовину растаявшую конфету.

– Воскресители говорят, что не смогут его вернуть.

– Мисс Линдстрем, они смогут, если вы мне поможете.

Она переводит взгляд на шоколадный костюм.

– Знаешь, мы делали его вместе. Когда-то и я носила такую одежду, еще в Королевстве.

Ее взгляд блуждает где-то далеко-далеко.

– Почему бы и нет? – говорит она. – Давай попробуем. Хотя бы в память о нем.

Линдстрем достает из-под прилавка какой-то металлический инструмент и нерешительно подходит к стеклянной створке. С бесконечной осторожностью она отрезает от края крошечный кусочек и кладет его в рот. На мгновение она замирает, ее лицо остается непроницаемым.

– Это неправильно, – восклицает она, широко раскрыв глаза. – Совсем неправильно. Кристаллическая структура совсем не та. И вкус... Это не тот шоколад, какой мы изготавливаем. Похожий, но не совсем.

Еще один маленький кусочек она протягивает Исидору, и шоколад почти мгновенно тает у него на языке, оставляя горьковатый привкус со слабым ореховым оттенком.

Исидор улыбается. Ощущение триумфа почти снимает в его голове напряжение, оставшееся от кват-посланий Пиксил.

– Не могли бы вы пояснить, в чем заключается разница с технической точки зрения?

Ее глаза сверкают. Линдстрем облизывает губы.

– Все дело в кристаллах. На последней стадии необходимо много раз разогревать и охлаждать шоколад – таким образом получаемый продукт не тает при комнатной температуре. В шоколаде имеются кристаллы, и их симметрия, получаемая при смене тепла и холода, помогает им удерживаться вместе. Мы всегда стараемся делать шоколад V типа, а здесь слишком много IV, это можно определить по текстуре. – Вся ее нерешительность и сомнения неожиданно исчезают. – Как вы узнали? Что случилось с моим костюмом?

– Это неважно. Важно то, что вы *не должны* его продавать. Позаботьтесь о его сохранности. Кстати, не могли бы вы дать мне кусочек с собой? Да, этого достаточно, и можно просто завернуть. Не теряйте надежды: он еще может к вам вернуться.

Ее смех мрачен и горек.

– Начнем с того, что он никогда не был моим. Хотя я очень старалась. Я хорошо относилась к его жене. Я подружилась с его дочерью. Но все напрасно. Знаешь, порой мне кажется, что так даже лучше. Только воспоминания и шоколад. – Она несколько раз подряд сжимает и разжимает пальцы. Ее ногти выкрашены в белый цвет. – Отыщи его, пожалуйста, – негромко говорит она.

– Я сделаю все, что смогу, – обещает Исидор.

Он сглатывает и неожиданно испытывает облегчение при мысли, что этот разговор не запечатлен в кристалле экзопамяти, а только в нейронах его смертного мозга.

– Между прочим, я вас не обманул. Я действительно ищу что-то особенное.

– Вот как?

– Да. Мне придется опоздать на вечеринку.

Дверь магазина неожиданно открывается. Это мальчик-подросток, светловолосый, очень красивый, с правильными славянскими чертами лица, примерно восьми марсианских лет.

– Привет, – говорит он.

– Себастьян, – откликается Линдстрем. – У меня покупатель.

– Все в порядке, я не возражаю, – говорит Исидор и через гевулот вежливо предлагает скрыть от него разговор.

– Я только хотел спросить, не видели ли вы Элоди? – Паренек лучезарно улыбается продавщице. – Я не могу установить с ней контакт.

– Она дома, со своей матерью, – отвечает Линдстрем. – Ты должен бы дать ей некоторое время оправиться. Надо уважать ее горе.

Парень энергично кивает.

– Конечно. Я только думал, может, смогу чем-то помочь...

– Нет, не можешь. А теперь, будь добр, позволь мне закончить разговор. Этого хотел бы и отец Элоди.

Мальчик немного бледнеет. Он поворачивается и выбегает из магазина.

– Кто это? – спрашивает Исидор.

– Приятель Элоди. Маленький распутник.

– Он вам не нравится?

– Мне никто не нравится, – говорит Линдстрем. – За исключением шоколада, разумеется.

Итак, по какому поводу эта вечеринка?

Когда Исидор выходит из магазина, Джентльмена нигде не видно. Но, выйдя на Правый проспект, он слышит шаги наставника, переходящего от одной тени к другой, подальше от яркого солнца.

– Должен сказать, – говорит Джентльмен, – мне интересно, к чему все это приведет. А ты не задумывался о том, что высказанное тобой предположение может оказаться верным? Что она и в самом деле может быть виновна в похищении разума своего нанимателя? Надеюсь, отказаться от этой версии тебя заставила не ее привлекательная улыбка?

– Нет, – говорит Исидор. – Но теперь я хочу поговорить с его родными.

– Поверь мне, виноватой окажется продавщица.

– Посмотрим.

– Как хочешь. А я только что получил от своих братьев другое указание. Поблизости обнаружены признаки василевской операции. Я должен разобраться.

После этого наставник исчезает.

Экзопамять приводит Исидора к дому шоколатье. Это один из высоких белых домов, что выступают над Краем, предоставляя обитателям великолепный вид на испещренную зелеными холмами пустыню кратера Эллады. Исидор спускается на один пролет по лестнице, ведущей от внешнего фасада к зеленой двери, и испытывает легкий приступ головокружения, когда далеко внизу, в тучах поднятой пыли мельком видит огромные опоры Города.

Несколько мгновений он ждет у красной двери. Ему открывает невысокая китайка в халате. У нее плоское лицо, по которому невозможно определить возраст, и черные шелковистые волосы.

– Да?

Исидор протягивает руку.

– Меня зовут Исидор Ботреле, – говорит он и приоткрывает свой гевулот, чтобы женщина узнала, кто он такой. – Я думаю, вы догадываетесь, почему я пришел. Я был бы рад, если бы вы уделили мне время и ответили на несколько вопросов.

Она бросает на него странный, полный надежды взгляд, но гевулот остается закрытым: Исидор еще даже не знает ее имени.

– Входите, пожалуйста, – говорит она.

Квартирка небольшая, но светлая, с лесенкой на второй этаж, и единственными уступками современности здесь являются фабрикатор да несколько парящих дисплеев из ку-точек. Женщина проводит его в уютную гостиную и садится у одного из больших окон в детское деревянное кресло. Она вынимает ксантийскую папироску, снимает крышечку, и на конце зажигается огонек, наполняющий комнату горьковатым запахом. Исидор опускается на низкую зеленую кушетку, сутулится и ждет. В комнате есть кто-то еще, скрытый пеленой уединения: он догадывается, что это дочь шоколатье.

– Надо бы вам что-нибудь предложить – кофе или что-то еще, – наконец говорит женщина, но даже не делает попытки подняться.

– Я все сделаю, – говорит девочка, изумляя Исидора неожиданным открытием гевулота и появляясь совсем рядом, как будто из ниоткуда.

Ей шесть или семь марсианских лет, это худой и бледный подросток с пытливыми карими глазами, в новом ксантийском платье, похожем на трубу и отдаленно напоминающем Исидору одежду зоку.

– Нет, спасибо, – говорит Исидор. – Ничего не надо.

– Мне даже не надо на тебя щуриться, – говорит девочка. – Я читала «Вестник Ареса». Ты помогаешь наставникам. Ты обнаружил пропавший город. А ты встречался с Безмолвием?

Она все время подпрыгивает на подушках дивана и, кажется, никак не может остановиться ни на мгновение.

– Элоди, – строго одергивает ее женщина. – Не обращайтесь внимания на мою дочь, она такая невоспитанная.

– Я просто *спрашиваю*.

– Спрашивать будет этот любезный молодой человек, а не ты.

– Не верь всему, что читаешь, Элоди, – говорит Исидор. Он сочувственно смотрит на нее. – Мне очень жаль, что с твоим отцом произошло несчастье.

Девочка опускает взгляд.

– Они ведь восстановят его, правда?

– Надеюсь, что восстановят, – говорит Исидор. – А я стараюсь им в этом помочь.

Жена шоколатье грустно улыбается Исидору и скрывает следующие слова от гевулота дочери.

– Она обходится нам очень дорого. Глупое дитя. – Женщина вздыхает. – У вас есть дети?

– Нет, – отвечает Исидор.

– От них больше хлопот, чем радости. Это он виноват. Он испортил Элоди. – Жена шоколатье проводит руками по своим волосам, не выпуская из пальцев сигареты, и на мгновение Исидору становится страшно, что огонь перекинется на волосы. – Простите. Я говорю ужасные вещи, когда он... где-то. Даже не в Безмолвии.

Исидор продолжает спокойно смотреть на нее. Ему всегда нравится наблюдать за людьми, которые считают себя обязанными что-то говорить. Интересно, не утратит ли он этой способности, став наставником? Но тогда у него появятся другие способы выяснить истину.

– Вам неизвестно о каких-нибудь новых друзьях, появившихся у мистера Деверо в последнее время?

– Нет. А к чему это?

Элоди окидывает мать скупающим взглядом.

– Мам, они же всегда так поступают. Пираты. Это прикладная социология. Они собирают частички твоего гевулота, а потом декодируют разум.

– Но зачем им понадобился именно *он*? Он не представлял собой ничего особенного. Просто изготавливал шоколад. А я даже не *люблю* шоколад.

– Мне кажется, ваш муж был как раз такой личностью, в каких заинтересованы гогол-пираты – он обладал специальными знаниями, – говорит Исидор. – У Соборности ненасытный аппетит в отношении моделей обучения, и особенно в области человеческого восприятия вкусов и запахов.

Он не забывает открыть разговор для гевулота Элоди.

– А его шоколад очень специфичен. Продавщица была так любезна, что во время моего посещения магазина дала мне кое-что попробовать: кусочек костюма, который доставили с фабрики только сегодня утром. Невероятный вкус.

Отвращение превращает лицо Элоди в застывшую маску, словно напоминая о смерти шоколатье. Затем девочка скрывается за пеленой уединения, вскакивает с кушетки и тремя быстрыми прыжками уносится вверх по лестнице.

– Прошу прощения, – говорит Исидор. – Я не хотел ее расстраивать.

– Не беспокойтесь. Она хорошо держится, но нам обеим очень тяжело. – Она откладывает папироску и вытирает глаза. – Я подозреваю, что она сбежит к своему приятелю, а потом вернется и не будет со мной разговаривать. Ребенок.

– Я понимаю, – говорит Исидор и встает. – Вы мне очень помогли.

Она разочарована.

– Я думала... что вы зададите больше вопросов. Дочь говорила, что вы всегда так делаете и спрашиваете о таких вещах, которые наставникам даже в голову не приходят.

Ее глаза сверкают странным энтузиазмом.

– Дело не в количестве вопросов, – говорит Исидор. – Еще раз примите мои соболезнования. – Он вырывает из записной книжки листок, чертит свою подпись и прикрепляет небольшое послание в разделенной памяти. Затем протягивает листок женщине. – В качестве извинения прошу передать это Элоди. Хотя я и не уверен, что она относится к числу моих поклонниц.

Выйдя из дома, он не может удержаться и начинает насвистывать: теперь перед ним вся схема преступления. Он мысленно проводит по ней пальцем, и контур отзывается чистым звуком, словно наполовину наполненный вином бокал.

В маленьком ресторанчике на окраине парка Исидор заказывает себе ризотто с осьминогом. Когда он вытирает губы, на салфетке остается причудливый чернильный узор. Около

получаса он сидит и наблюдает за гуляющими в парке людьми и записывает свои наблюдения в записную книжку. Затем поднимается и вновь направляется к шоколадной фабрике, чтобы захлопнуть ловушку.

Биодроны впускают его внутрь. Тело уже забрали Воскресители. На полу остаются его контур и пятна шоколада, но уже скрытые пеленой секретности, словно сброшенная шкура змеи, состоящая из света. Исидор садится на расшатанный металлический стул в углу и ждет. Звук работающих машин почему-то действует успокаивающе.

– А ведь я знаю, что ты здесь, – говорит он спустя некоторое время.

Из-за одной из машин появляется Элоди, даже не скрываясь за пеленой гевулота.

– Как ты узнал?

– Следы ног, – поясняет Исидор и показывает на шоколадные пятна. – В прошлый раз ты была осторожнее. Кроме того, ты опоздала.

– Фрагмент воспоминаний с твоей подписью – полное фуфлю, – говорит она. – Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что ты хочешь встретиться со мной здесь.

– Мне показалось, ты интересуешься расследованием. Но первое впечатление может оказаться обманчивым.

– Если ты опять собираешься говорить о моем отце, – говорит Элоди, – я уйду. Я хочу встретиться со своим другом.

– Я так и думал. Но разговор будет не об отце, а о тебе. – Он так тщательно закрывает свою речь в гевулот, что ее услышат только они вдвоем, а все остальные даже не вспомнят, что они разговаривали. – Мне интересно знать, легко ли тебе было это сделать.

– Что?

– Не думать о последствиях. Передать личные ключи от гевулота своему отцу незнакомцу. Она ничего не говорит, только смотрит на него и вся напряглась.

– Что они тебе пообещали? Путешествие к звездам? Рай, все для тебя, словно для принцессы Королевства, только еще лучше? Так ведь не бывает, и тебе это известно.

Элоди делает шаг в его сторону, медленно распрямляя руки. Исидор покачивается на стуле взад и вперед.

– Итак, ключи не сработали. И Себастьян – твой василев друг, один из *них* – очень расстроился. Между прочим, до тебя ему нет никакого дела: они закачали в него чьи-то чужие эмоции. Но все было достаточно реально. Он пришел в ярость. Возможно, угрожал тебя бросить. Ты хотела его задобрить. И ты знала, что у твоего отца есть место с гевулотом, где можно повернуть дело без помех. Может, он даже пришел вместе с тобой.

– Должен сказать, ты поступила очень умно. Шоколад только чуть-чуть отличается на вкус. Он ведь в костюме, не так ли? Я говорю о его разуме. Ты поместила его туда при помощи фабрикатора. Как только изготовили оригинал, ты расплавила его и сделала копию. Дроны доставили изделие в магазин. И вся информация, закодированная в кристаллах шоколада, готова к продаже, чтобы вывезти ее в Соборность. Никаких вопросов, не надо устанавливать пиратскую радиостанцию, чтобы ее передать, разум упакован в чудесную шоколадную оболочку, словно пасхальное яйцо.

Элоди смотрит на него, не проявляя никаких эмоций.

– Одного я не могу понять: как ты решилась на это? – спрашивает он.

– Это неважно, – шипит она. – Он даже не вскрикнул. Не было никакой боли. Он даже не был мертв, когда я уходила. Никто ничего не потерял. Они вернут его. Они всех нас возвращают. А потом делают Спокойными. Это несправедливо. *Мы* не разваливали их проклятое Королевство. *Мы* не делали фобоев. Это не наша вина. Мы должны по-настоящему жить вечно, как живут *они*. Мы должны иметь право.

Элоди медленно разгибает пальцы. Из-под ее ногтей радужными волосками выскакивают нановолокна и вытягиваются вверх, словно веер из кобр.

– А, – восклицает Исидор. – Загрузочные щупальца. А я гадал, где они скрываются.

Элоди приближается к нему странными порывистыми шагами. Кончики щупалец светятся. До Исидора впервые доходит, что он и впрямь может опоздать на вечеринку.

– Не надо было тебе назначать встречу в уединенном месте, – говорит она. – И стоило прихватить с собой твоего наставника. Друзья Себа заплатят и за тебя тоже. Может, даже больше, чем за *него*.

Загрузочные щупальца искрами света устремляются вперед. Он ощущает десяток уколов в голову, а потом странное оцепенение. Он утрачивает контроль над своими конечностями, понимает, что независимо от своей воли поднимается со стула. Элоди стоит перед ним, разведя руки в стороны, словно кукловод.

– Значит, он так и сказал? Что все это несерьезно? Что они, несмотря ни на что, восстановят твоего отца? – Слова с трудом срываются с его губ. – Смотри.

Исидор приоткрывает свой гевулот и делится с ней воспоминаниями о преисподней, о том, как ее отец в подземном зале кричит, мечется и умирает, снова и снова.

Широко раскрыв глаза, она не сводит с него глаз. Щупальца падают. У Исидора отказывают колени. Бетонный пол очень твердый.

– Я не знала, – говорит она. – Он никогда... – Она переводит взгляд на свои руки. – Что я наделала...

Ее пальцы сжимаются, словно когти, щупальца повторяют это движение, сверкают в ее волосах и исчезают в голове. Элоди падает на пол, судорожно подергивая руками и ногами. Он не хочет на это смотреть, но не в силах пошевелиться, не может даже закрыть глаза.

– Это наиболее яркое проявление глупости, которое мне приходилось видеть, – произносит Джентльмен.

Исидор бессильно улыбается. Лекарственная пена на голове кажется ему ледяным шлемом. Он лежит на носилках за стенами фабрики. Мимо проходят Воскреситель в темной одежде и стройные биодроны из преисподней.

– Я никогда не стремился к посредственности, – говорит он. – Вы поймали василева?

– Конечно. Это мальчишка, Себастьян. Он пришел в магазин и пытался купить костюм, утверждая, что хочет сделать сюрприз Элоди и немного отвлечь ее от грустных мыслей. Самоуничтожение при поимке, как делают все они, и при этом выкрикивал лозунги из Федоровистской¹⁰ пропаганды. Чуть не достал меня оружием вирусом. Его гевулот подвергнется исследованию: я не думаю, что Элоди была единственной.

– А что с ней?

– Воскресители знают свое дело. Если смогут, они ее восстановят. Я полагаю, после этого ее ждет раннее Спокойствие – это зависит от того, что скажет Голос. Но продемонстрировать ей те воспоминания было неправильно. Это причинило ей боль.

– Я сделал то, что должен был сделать. Она это заслужила, – говорит Исидор. – Она преступница. – Память о смерти шоколатье еще отзывается у него в животе холодной тяжестью.

Джентльмен снял свою шляпу. Под ней маска из неизвестного материала, повторяющая контуры черепа: каким-то образом она делает его моложе.

– А ты преступно глуп. Ты должен был открыть гевулот для меня или назначить встречу где-нибудь в другом месте. А насчет того, что она заслужила...

Джентльмен умолкает.

– Вы знали, что это она, – говорит Исидор.

Джентльмен молчит.

– Я уверен, вы знали это с самого начала. И дело не в ней, а во мне. Что это за испытание?

¹⁰ Федоров Николай Федорович (1829–1903) – русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, деятель библиотекостроения, педагог-новатор. Один из родоначальников русского космизма.

– Ты должен был понять причину, по которой я не сделал тебя одним из нас.

– Почему же?

– Есть одна причина, – говорит Джентльмен. – В давние времена на Земле, те, которых называли наставниками, зачастую были *целителями*.

– Я не понимаю, как все это связано, – говорит Исидор.

– Я знаю, что ты не понимаешь.

– Как? Неужели я должен был ее отпустить? Проявить милосердие? – Исидор покусывает губы. – Это не метод раскрытия тайн.

– Верно, – соглашается Джентльмен.

В этом единственном слове просматривается контур, Исидор чувствует его – не отчетливо, не уверенно, но безошибочно ощущает его присутствие. Гнев помогает его уловить.

– Я думаю, вы лжете, – говорит Исидор. – Я не наставник, потому что я не целитель. Безмолвие – тоже не целитель. Причина в том, что вы кому-то не доверяете. Вам понадобился сыщик, который не был Воскрешен. Сыщик, который умеет хранить секреты. Вам нужен сыщик, готовый пойти за криптархами.

– Такого слова, – говорит Джентльмен, – не существует. – Он надевает шляпу и поднимается. – Благодарю за помощь.

Наставник притрагивается к лицу Исидора. Прикосновение бархата кажется удивительно легким и мягким.

– Между прочим, – добавляет Джентльмен, – ей не понравятся шоколадные башмачки. Вместо них я взял для тебя конфеты с трюфелями.

Он уходит. На траве остается аккуратно перевязанная красной ленточкой коробка шоколада.

Интерлюдия. Король

Король Марса может увидеть все, но есть места, куда он предпочитает не заглядывать. И космопорт, как правило, остается одним из таких мест. Однако сегодня он лично присутствует здесь, чтобы убить старого друга.

Зал прибытия построен в старом стиле Королевства – огромное пространство под высоким куполом. Зал заполнен редкой разноцветной толпой приезжих из других миров. Они осторожно двигаются, стараясь привыкнуть к незнакомой марсианской гравитации и ощущению гостевого гевулота на коже.

Невидимый и неслышимый для всех, Король идет мимо толпящихся чужаков: олицетворяющие Царство сухопарые жители Пояса в экзоскелетах, напоминающих медуз, порхающие Быстрые, зоку с Сатурна в базовых телах. Он останавливается перед статуей герцога Офира и вглядывается в потрескавшееся лицо, оскверненное Революционерами. Сквозь прозрачный купол, высоко над залом, он видит Бинсток¹¹, невероятную линию, перечеркивающую небо цвета ржавчины, вызывающую головокружение у каждого, кто попытается проследить за ней взглядом. К горлу подступает тошнота: навязчивая мания, внедренная бесцеремонными руками столетие назад, все еще здесь.

Ты принадлежишь Марсу, утверждает она. Ты никогда его не покинешь.

Сжав кулаки, Король заставляет себя смотреть, пока хватает сил, раскачивая в своем мозгу воображаемую цепь. Затем он закрывает глаза и начинает поиски другого невидимого человека.

Он позволяет своему мысленному взгляду скользить по толпе, заглядывать в глаза и лица, отыскивая следы манипуляций в недавних воспоминаниях, словно примятые листья в лесу. Надо было раньше это сделать. Личное присутствие в этом месте создает странное ощущение чистоты. За долгие годы Король стал почти одинаково воспринимать воспоминания и действия, и резкий привкус реальности действует освежающе.

Заклоченная в память ловушка почти незаметна, она прячется в свежей экзопамяти материального воплощения Царства, глазами которого смотрит сейчас Король. И она действует в обе стороны: воспоминания о воспоминаниях почти затягивают Короля в бесконечный тоннель дежавю, увлекают внутрь, словно головокружение от взгляда на Бинсток.

Но Король искусен в играх памяти. Усилием воли он заставляет себя оставаться в настоящем, изолирует отравляющие сознание воспоминания, возвращается до их источника, слой за слоем снимает пласты экзопамяти, пока не остается зерно реальности: худой лысый мужчина с запавшими висками в плохо подогнанной униформе Революционера, стоящий в нескольких метрах и глядящий на него темными глазами.

– Андре, – с упреком окликает его Король. – Что ты себе позволяешь?

Человек окидывает его дерзким взглядом, и на мгновение из глубин сознания Короля всплывает давнее, реальное воспоминание об аде, через который им пришлось пройти вместе. *Как жаль.*

– Время от времени я появляюсь здесь, – говорит Андре. – Иногда хочется выглянуть из глубины нашего аквариума. Так хорошо посмотреть на небо и гигантов вдали.

– Но ты здесь не ради этого, – негромко говорит Король. Его голос звучит мягко, потечески. – Я не понимаю. Мы же договорились. Больше никаких сделок с ними. А ты опять здесь. Неужели ты действительно думал, что я тебя не вычислю?

Андре вздыхает.

¹¹ «Бобовый стебель», трос орбитального лифта.

– Грядут перемены, – говорит он. – Мы больше не можем выживать. Основатели проявили слабость, но это ненадолго. Они сожрут нас, друг мой. И даже ты не сможешь их остановить.

– Выход всегда найдется, – говорит Король. – Только не для тебя.

Из вежливости Король дарит ему быструю истинную смерть. Вспышка ку-винтовки зоку, легкая рябь экзопамяти, стирающей все следы личности, которая когда-то была Андре, его другом. Он усваивает все, что ему было нужно от Андре. Прохожие вздрагивают от неожиданного жара, а потом забывают об этом.

Король поворачивается, чтобы уйти. Затем он видит мужчину и женщину. Мужчина в темном костюме и очках с голубыми стеклами, женщина сутулится от гравитации, словно старуха. Король улыбается – впервые за все время, проведенное в космопорте.

4. Вор и нищий

Шагающий город Ублиетт, Устойчивый проспект, яркое утро, погоня за воспоминаниями.

Улицы здесь меняют свое направление и местоположение, когда движущиеся платформы покидают городской поток или снова к нему присоединяются, но этот широкий проспект всегда возвращается на свое место, несмотря ни на что. По обеим его сторонам растут вишневые деревья и расходятся улочки, ведущие в Лабиринт, где скрываются тайны. Здесь есть магазинчики, которые можно найти только однажды: в них торгуют игрушками времен Королевства, старыми жестяными роботами с древней Земли и мертвыми камнями зоку, падающими с неба. И двери, которые обнаруживаются только в том случае, если вы скажете нужное слово, или съели нужную пищу накануне, или влюблены.

– Благодарю, – говорит Миели, – за то, что привел меня в ад.

Я снимаю голубые солнечные очки и улыбаюсь ей. Она явно страдает от гравитации и двигается, словно старуха: пока мы здесь временные граждане, она вынуждена скрывать свои возможности.

Я видел лишь немного мест, которые меньше похожи на ад. Над головой густая голубизна неба кратера Эллады, тучи белых планеров с огромными крыльями, цепляющимися за разреженную марсианскую атмосферу. Высокие, замысловато построенные здания, словно дома *belle époque*¹² Парижа, не обремененные силой тяжести, башни из камня с красными прожилками, на которых держатся балконы и переходы. Паукебы проворно поднимают боковые панели, прыгают с крыши на крышу. Сверкающий купол колонии зоку виднеется в Пыльном районе, где красное облако, поднятое городскими ногами, вздымается до самого неба. Слабое покачивание, осязаемое, если стоишь неподвижно: напоминание о том, что этот город странствует на спинах Титанов.

– Ад, – говорю я ей, – это такое место, где собираются все интересные люди.

Она искоса смотрит на меня. Немного раньше, на Бинстоке, у нее был скучающий вид все повидавшего человека, по которому я определил, что Миели впитывает информацию, готовится.

– Мы здесь не для того, чтобы любоваться видами, – говорит она.

– Как раз для этого. Где-то здесь осталась ассоциативная память, и я должен ее найти. – Я подмигиваю. – Это может занять некоторое время, так что постарайся не отставать.

Мускульная память наконец вернулась, и я увеличиваю дистанцию между нами, переходя на скользящий размашистый шаг Джона Картера¹³, какой принят у окружающих нас высоких марсиан. За время моего отсутствия мода сильно изменилась. Теперь лишь немногие ходят в ничем непримечательных светлых брюках и рубашках, отдаленно напоминающих старую форму Революционеров. Вместо них в ходу пышные костюмы с оборками и шляпы да абстрактные произведения зоку из интеллектуальной материи, относящиеся скорее к геометрии, а не к одежде. Здесь почти никто не скрывается под полным экраном уединения. Это Проспект: здесь принято выставлять себя напоказ.

И конечно, есть кое-что общее для всех: Часы всех форм и размеров, на ремешках на запястьях, в сумочках на поясе, в пряжках, ожерельях и кольцах. Все они отмеряют Время, Достойное Время, время человеческого существования, которое каждый должен заработать

¹² Бель Эпок – начало XX века (*франц.*).

¹³ «Джон Картер – марсианин» (на русском языке выходил также как «Джон Картер на Марсе») – одиннадцатая и последняя книга барсумской серии Эдгара Райса Берроуза.

неустанным трудом в состоянии Спокойных. Мне приходится сдерживать инстинкты карманника.

На агоре Революции я останавливаюсь и поджидаю Миели. На этой площади стоит один из революционных монументов – невысокая плита из вулканической скалы, обработанная Спокойными. На ее поверхности микроскопическим шрифтом высечены имена миллиардов голов, привезенных с Земли. По бокам от памятника журчат небольшие фонтаны. Я помню, что когда-то был здесь, был много раз.

Но кем я был? И чем занимался?

Марсианское вино вызвало воспоминания, но никаких четких концепций: как будто из мозга брызнули капли краски. В них была девушка по имени Раймонда, и было еще что-то под названием Тибермениль¹⁴. Возможно, Миели права: не стоит рассчитывать, что мое старое «я» волшебным образом подскажет, куда двигаться дальше, а попытаться применить систематический метод. Я должен вернуть долг ей и ее таинственным нанимателям, и чем скорее я с этим разберусь, тем лучше.

Я сажусь на кованую железную скамью на краю площади, у самой границы публичного круга. Общество Ублиетта неукоснительно чтит право на уединение, но только не на агорах: здесь принято демонстрировать себя публике. Выходя с улиц на площадь, люди инстинктивно меняют свое поведение: спины выпрямляются, кажется, будто все двигаются с преувеличенной осторожностью и приветствуют окружающих короткими кивками. То, что происходит здесь, остается в памяти каждого и доступно всем. Это место публичных обсуждений и демократии, где вы можете попытаться повлиять на Голос, электронную систему правления Ублиетте. И очень полезно для крипто-архитекторов: общедоступная территория, где можно проследить эволюцию города...

Откуда я все это знаю?

Я мог извлечь информацию из короткой экзопамяти, полученной вместе с временным гражданством и Часами, купленными для нас Миели. Но нет. Я не шурился – не сосредотачивался сознательно на получении информации из коллективной базы памяти Ублиетта. Это означает, что я был гражданином Ублиетта раньше, по крайней мере, некоторое время. Следовательно, у меня были Часы, а здесь наличие Часов подразумевает и обладание экзопамятью, хранилищем твоих мыслей и желаний, которые определяют личность при переходе от Достойного к Спокойному состоянию. Может, именно это я и ищу: Часы того, кем я здесь был.

Я прокручиваю эту мысль в голове. Вариант почему-то кажется мне слишком *простым*, слишком грубым, слишком ненадежным. Пошел бы на такое прежний я? Стал бы доверять секреты экзопамяти гражданина Ублиетта? Мне становится холодно, когда я понимаю, что не имею об этом ни малейшего представления.

Я ощущаю потребность сделать что-нибудь, что поможет снова почувствовать себя самим собой, поэтому поднимаюсь и иду вдоль края площади, пока не обнаруживаю красивую девушку. Она сидит на скамье рядом с общественным фабрикатом и надевает роликовые коньки с огромными колесами, которые только что отгиснул автомат. На ней белый топ и шорты. Обнаженные ноги, безупречно длинные, отливают золотом.

– Привет. – Я дарю ей свою лучшую из улыбок. – Я ищу Революционную библиотеку, но мне говорят, что никаких планов города не существует. Не можете ли вы указать хотя бы верное направление?

Она морщит загорелый носик и исчезает, а вместо нее расплывается серая метка заполнения гевулота. А потом девушка убегает, и серый сгусток быстро движется вдоль проспекта.

– Я вижу, ты развлекаешься, – говорит Миели.

– Двадцать лет назад она улыбнулась бы мне в ответ.

¹⁴ Thibermesnil – замок, упоминаемый в книге М. Леблана «Шерлок Холмс приходит поздно».

– Так близко к агоре? Не думаю. Кроме того, ты неумело воспользовался гевулотом: надо было сделать этот разговор приватным. Ты уверен, что жил здесь?

– Кто-то прекрасно выполнил домашнее задание.

– Да, – говорит она.

Я в этом не сомневаюсь: она использовала все возможности, предоставляемые нашим временным гражданством и доступом в общественную экзопамять.

– Меня это немного удивляет. Если ты и в самом деле жил здесь в последние два десятилетия, ты или выглядел иначе, или никогда не посещал площадей и общественных мероприятий. – Она смотрит мне в глаза. На ее лбу выступила испарина. – Если ты каким-то образом подделал эти воспоминания, если это попытка сбежать, ты быстро убедишься, что я к этому готова. И последствия придутся тебе не по вкусу.

Я снова опускаюсь на скамью и смотрю на площадь. Миели, держа спину абсолютно прямой, садится рядом, и со стороны видно, насколько ей неудобно. Сила тяжести явер причиняет ей боль, но она ни за что в этом не признается.

– Это не попытка побега, – говорю я. – Я признаю свой долг перед тобой. И все вокруг кажется мне таким знакомым – мы прибыли в нужное место. Но я не знаю, каким должен быть следующий шаг. Я не нашел никаких признаков этого Тибермениля, но это и неудивительно; между нами не один пласт тайн. – Я усмехаюсь. – Уверен, что прежний я развлекается, наблюдая за нами. Честно говоря, он может оказаться умнее нас обоих.

– Прежний ты, – говорит она, – угодил в тюрьму.

– Туше. – Я перекачиваю частицу времени из своих временных Часов (небольшой серебряный диск на прозрачном браслете; тонкая стрелка передвигается на миллиметр) в стоящий у скамьи фабризатор. Аппарат выплевывает темные очки. Я протягиваю их Миели. – Вот. Попробуй.

– Зачем?

– Чтобы скрыть выражение Гулливера на своем лице. Ты не слишком подходишь этой планете.

Она хмурится, но медленно надевает очки. Они подчеркивают ее шрам.

– Знаешь, – говорит она, – сначала я собиралась законсервировать тебя на «Перхонен», чтобы самой отправиться сюда, собрать информацию об ощущениях и закачивать ее в твой мозг, пока к тебе не возвратится память. Но ты прав. Это место мне не нравится. Здесь слишком много шума, слишком много пространства, слишком много всего.

Она откидывается на спинку скамьи и подбирает ноги, принимая позу лотоса.

– Но у них теплое солнце.

И в этот момент я замечаю босоногого мальчишку примерно пяти марсианских лет, который машет мне рукой с противоположного края площади. И его лицо мне знакомо.

Знаешь, когда все закончится, я намерена его убить, сообщает Миели «Перхонен», улыбаясь вору.

Даже без предварительных мучений? Ты проявляешь признаки слабости.

Корабль остался на высокой орбите, и их нейтринная связь – тщательно скрытая от параноидальных технологических анализаторов Ублиетта – позволяет только поддерживать разговор.

Это еще один недостаток планеты, хотя и не такой скверный, как постоянная тяжесть и упрямое нежелание предметов зависать в воздухе, когда их выпускают из рук. Как ни стыдится она усовершенствований Соборности, произведенных в ее теле, приходится ими пользоваться.

Но скрытность – один из главных параметров миссии. Поэтому она носит оболочку временного гевулота, выданного им таможенниками в черных панцирях на станции Бинстока (запрещено импортировать нанотехнологии, ку-технологии, технологии Соборности; запрещено ввозить запоминающие устройства, способные хранить базовый разум, запрещено...),

скрывает свой метамозг, скелет из ку-камня, виртуальное оружие и все остальное под камуфляжным обликом и страдает.

Есть что-нибудь новое из общественной экзопамяти? Или от таинственного осведомителя, который предпочитает не показываться?

Нет, отвечает «Перхонен». Гоголы занимаются этим, но материала слишком много. Пока нет никаких двойников ни Тибермениля, ни Фламбера. Я бы на твоём месте заставила этого парня усерднее зарабатывать свою свободу.

Миели вздыхает.

Я надеялась услышать что-то новое.

До сих пор единственным плюсом во всем этом деле был искусственный солнечный свет из яркой точки в небе, бывшей когда-то Фобосом. *По крайней мере, мой венерианский загар быстро восстановится.*

– Чтобы скрыть выражение Гулливера на своём лице, – повторяет вор.

Внезапно Миели перестаёт понимать, что происходит: в висках стучит невыносимое ощущение дежавю. *Будь проклята эта биотическая связь, доверься Пеллегрини – и наверняка сойдешь с ума.* В своём коте, ещё на Оорте, она жила в ледяной пещере вместе с двумя дюжинами других людей, и жилое пространство, выдолбленное в комете, было не больше «Перхонен». Но там не было ничего похожего, никакого беспокойства по поводу чужих мыслей, передаваемых через канал квантовой связи, как сейчас. Большую часть она отфильтровывает, но время от времени какие-то мысли и чувства все же просачиваются в её мозг.

Она качает головой.

– Ладно, – говорит она. – «Перхонен» подсказывает, что нам придется прибегнуть к старым методам. Будем продолжать идти, пока...

Она обращается к пустому месту. Вора нигде не видно. Миели снимает очки и разглядывает их, пытаясь обнаружить какое-то устройство, обеспечившее вору возможность ускользнуть. Но в очках нет ничего, кроме пластика.

«Перхонен»! Куда он подевался, черт побери?

Я не знаю. Биотическая связь имеется только у тебя. В голосе корабля ей чудится некоторое веселье.

– Витту. Перкеле. Саатана¹⁵. – Она ругается вслух. – Он за это заплатит.

Проходящая мимо пара с ребенком в белых костюмах Революционеров смотрит на неё с удивлением. Она неумело обращается мыслями к интерфейсу своего гостевого гевулота. *Уединение.* Непривычное ощущение скованности подсказывает, что вместо неё окружающие видят только метку-заполнение.

Гевулот. Конечно. Я идиотка. В её воспоминаниях сохранилась граница между *локальной* и *экзопамятью*. Вор послал ей воспоминание о последних секундах их разговора, и её примитивный гевулот принял его. *Я разговаривала с воспоминанием.*

Миели испытывает резкий и неожиданный приступ отвращения к самой себе. Все это напоминает ей болезнь, перенесенную в детстве – на зубах стали появляться острые наросты, которые больно царапали десны. Карху¹⁶ вылечил её песней, но было невозможно удержаться, чтобы не трогать выступы языком. Она проглатывает неприятное ощущение и старается сосредоточиться на биотической связи.

Это трудно сделать без помощи метамозга, но и обнаруживать себя тоже нельзя. Поэтому она закрывает глаза и сосредотачивается...

– Леди, проявите милосердие, – слышится рядом грубый и хриплый голос.

¹⁵ Финские ругательства.

¹⁶ Медведь (фин.)

Перед ней стоит нагой человек, и лишь самая интимная часть тела закрыта у него серым пятном гевулота. Человек очень бледен и лыс. Вокруг глаз красные ободки, как будто он только что плакал. Единственный предмет на его теле – Часы – кристаллический диск с толстой металлической цепочкой, болтающийся на костлявой руке.

– Проявите милосердие, – тянет он. – Вы пришли со звезд, вы проведете здесь несколько приятных моментов, а потом вернетесь к роскоши, к бессмертию. Пожалейте того, кому осталось всего несколько мгновений жизни перед тем, как придется искупать свои грехи. Скоро они придут и схватят мою душу, и бросят ее в пасть безмолвной машины, так что я даже не смогу крикнуть от боли...

Ты в порядке? «Перхонен» обеспокоена. Что происходит?

Миели пытается повторить тот же трюк с гевулотом, что и несколько минут назад – воздвигнуть преграду между ней и этим безумцем, – но интерфейс гевулота сообщает, что она заключила контракт с другой личностью о взаимном поверхностном общении в течение следующих пятнадцати минут.

Передо мной стоит голый сумасшедший, беспомощно жалуется она кораблю.

Мне показалось, что он сбежал.

– Если бы вы подарили мне несколько жалких секунд, незначительную толику вашего времени, я бы открыл вам все свои секреты. При Дворе Короля я был Графом, Достойным, совсем не таким, каким вы меня видите сейчас. У меня был роботизированный замок и миллион гоголов, исполняющих все мои желания. А в Революцию я сражался в армии Герцога Тарсиса. Вы должны увидеть настоящий Марс, старый Марс, и я все это вам обеспечу за несколько подаренных секунд... – По вытянутому бледному лицу уже струятся слезы. – У меня осталось только несколько десятков секунд, проявите милосердие...

Миели, не переставая ругаться, встает со скамьи и идет вперед, лишь бы отделаться от нищего. Вдруг ее поражает неожиданная тишина. Она стоит посреди площади.

Марсиане вышагивают здесь с особым усердием. Никто никого не приветствует. Туристы – несколько Быстрых, похожих на мотыльков, и нейтрофил из зоку Ганимеда – прекратили рассматривать через парящие линзы списки на монументе и повернулись в ее сторону.

А нищий уже дергает ее за край одежды.

– Одну минуту, даже несколько секунд за все тайны Марса...

Он уже полностью обнажен, гевулот не защищает его на агоре. Миели отталкивает его руку обычным человеческим толчком, еле сдерживаясь, чтобы не вырвать конечность из сустава. Но нищий испускает пронзительный крик и валится на землю к ее ногам, все так же цепляясь за одежду и не умолкая. Она уже уверена, что на них смотрят абсолютно все, хотя, кажется, будто никто и не обращает на них внимания.

– Ладно, – говорит она и поднимает свои Часы – хрустальная модель, выбранная из-за сходства с оортианскими украшениями. – Десять минут. Я потеряю больше, чтобы только избавиться от тебя.

Она мысленно обращается к Часам, и золотой циферблат немного сдвигается. Нищий вскакивает и облизывается.

– Благослови вас Призрак Короля, добрая леди, – говорит он. – Незнакомец сказал, что вы великодушны.

– Незнакомец? – переспрашивает Миели, хотя уже знает, о ком идет речь.

– Незнакомец в очках с голубыми стеклами, да пребудет с ним благословение и с вами тоже. – На лице нищего появляется широкая ухмылка. – Должен вас предупредить, – деловым тоном говорит он. – Я бы на вашем месте поторопился уйти с площади. – Вокруг Миели к выходу с площади уже направляются все, кроме туристов. – Кровь, вода. Уверен, вы меня поняли.

Я обязательно подвергну вора мучениям, говорит Миели. Кровь и вода. Что он хотел этим сказать?

На Земле, отвечает «Перхонен», существовал класс рыб, называемых акулами. Я думаю, выклянчивающие время нищие просматривают доступную экзопамять, например, площадей. Здесь не принято Уединение, и они увидят, что ты поделилась Временем с...

Внезапно на площади слышится топот босых ног, и Миели оказывается лицом к лицу с целой армией нищих.

Я бегу за мальчишкой через толпу на площади. Он неизменно остается впереди, отлично ориентируясь в чаще ног, его босые пятки мелькают со скоростью иглы фабрикатора. Я расталкиваю прохожих локтями, выкрикиваю извинения и оставляю за собой хвост сердитых серых вспышек гевулотов.

Я почти поймал его у остановки паукебов, где от площади отходит сотня разных улиц, ведущих в Лабиринт. Он останавливается перед длинноногими машинами – разноцветными безлошадными повозками, свернувшими свои бронзовые опоры в ожидании пассажиров, – и смотрит на них с нескрываемым восхищением.

Я медленно приближаюсь к нему, скрываясь в толпе. Его *текстура* другая по сравнению со всем, что меня окружает, она отличается какой-то резкостью. Возможно, это из-за грязи на его лице или его ветхой одежды, или темно-карих глаз, таких редких среди марсиан. Осталось всего несколько метров...

Но он просто дразнит меня. Мой бросок он встречает негромким смехом, а потом проскользывает под длинноногими экипажами. Я слишком велик, чтобы последовать за ним, и остается только обойти вокруг толпящихся у машин пассажиров.

Этот мальчишка я. Я помню его, помню по моим снам. Воспоминания зажаты, словно мотылек между столетиями, такие же хрупкие, и распадаются, как только я к ним прикасаюсь. В них были пустыня и солдат. И женщина в палатке. Возможно, мальчик существует только в моей голове. Возможно, это какая-то структура, оставленная моим прежним «я». В любом случае, я должен это выяснить. Я выкрикиваю имя, но не Жана ле Фламбера, а то, давнее имя.

Часть моего сознания подсчитывает секунды до того момента, когда Миели сумеет преодолеть незначительное препятствие и пристрелит меня или отправит в какой-то новый ад. У меня всего несколько минут, чтобы выяснить, что он сможет мне сказать без надсмотрщика, заглядывающего через плечо. Мальчишка мелькает в толпе и исчезает в улочке, ведущей в Лабиринт. У меня вырывается проклятье, но погоню не прекращаю.

В Лабиринте сходятся большие платформы и другие компоненты города, оставляя при этом место для небольших непрерывно перемещающихся фрагментов, и при этом образуются неожиданные плоскости и извилистые переходы, которые могут менять направление, пока ты по ним идешь. Но происходит изменение так плавно, что определить его можно только при наблюдении за горизонтом. Никаких карт этого места не существует, есть только гиды-светлячки, за которыми бродят самые отчаянные туристы.

Я бегу вниз по крутому склону, вымощенному булыжником, и постепенно удлиняю шаги. Искусством бега на Марсе я никогда не владел в совершенстве, и как только мостовая подо мной слегка перемещается, я неудачно приземляюсь после особенно длинного прыжка и качусь еще несколько метров.

– Вы в порядке?

С балкона надо мной через перила свешивается женщина, держащая в руке газету.

– Все в порядке, – сквозь стон отвечаю я, в полной уверенности, что изготовленное в Соборности тело, которое выдала мне Миели, не так-то легко сломать. Но имитированная боль от удара копчика – это все равно боль. – Здесь не пробежал мальчик?

– Вы имеете в виду этого мальчика?

Сорванец стоит всего в сотне метров от меня и сгибается от смеха. Я с трудом поднимаюсь и снова бегу.

Мы все глубже и глубже погружаемся в Лабиринт, мальчишка по-прежнему остается впереди, но не слишком далеко, с одинаковой легкостью пробегая по булыжным мостовым, мрамору, искусственной траве и дереву.

Мы бежим через небольшие китайские кварталы с их высокими буддистскими храмами и красно-золотыми драконами на фасадах, через временные рынки, пропахшие синтетической рыбой, мимо группы Воскресителей в черных одеяниях, сопровождаемых только что рожденными Спокойными.

Мы пробегаем целые улицы – возможно, это район красных фонарей, – затуманенные гевулотом, пустые улицы, где медлительные Спокойные-строители – крупнее, чем слоны, в оранжевых панцирях – красят новые дома в пастельные цвета. Здесь я почти упускаю мальчишку среди громкого шума и странного запаха огромных существ, напоминающего запах морских водорослей, вскоре вижу, как он машет мне со спины одного из строителей, а потом проворно прыгает вниз.

На некоторое время за нами увязалась группа на роллерах, ошибочно приняв наши гонки за новую уличную игру. Группа юношей и девушек, одетых в стиле «под Королевство» – в корсетах и расклешенных юбочках и напудренных париках – предусмотрительно уступает путь мчащимся мальчишкам, а те отталкиваются от стен и совершают головокружительные сальто между крышами, опираясь большими колесами на любую поверхность. Они ободряют меня криками, и на мгновение я задумываюсь, не потратить ли немного Времени, чтобы купить у них пару роликовых коньков, но воображаемая боль в спине почти успокоилась, и я продолжаю путь пешком.

Я каждую секунду жду, что мое тело прекратит подчиняться и Миели подвергнет меня какому-нибудь наказанию. Тем не менее мне хочется увидеть ее лицо.

В старом роботизированном парке я окончательно выбиваюсь из сил. Проклиная тот факт, что не в состоянии соперничать с обычным человеческим телом, я опускаюсь на колени, дыхание со свистом вырывается из груди, глаза жжет стекающий по лицу пот.

– Послушай, – говорю я, – давай вести себя благоразумно. Если ты часть моего разума, я могу рассчитывать на твоё благоразумие.

Хотя я не отличался благоразумием в его возрасте. Впрочем, и в любом возрасте тоже.

Парк выглядит странно знакомым. Это участок старого Королевства, прихваченный и поглощенный городом во время странствия по марсианской пустыне и перемещенный сюда загадочным городским метаболизмом. Это открытая площадка среди Лабиринта, охраняемая несколькими синагогами, вымощенная черными и белыми мраморными плитами величиной примерно в пять квадратных метров, образующими поле 10 на 10. По краям кто-то посадил цветы и деревья: над аккуратными монохромными квадратами нависают зеленые, красные, белые и фиолетовые ветки. Мальчишки нигде не видно.

– У меня мало времени. Леди со шрамом на лице скоро придет за нами обоими, и она будет очень сердита.

На каждом квадрате стоит по огромной машине: средневековые рыцари, самураи и легионеры в затейливо украшенных доспехах, в шлемах с открытыми забралами и с грозным, усеянным шипами оружием. Пластины брони местами заржавели, а пустые шлемы некоторых фигур превратились в цветочные горшки, из которых свисают гроздья бегоний и бледных марсианских роз. Фигуры стоят в боевой позиции, мало того, затаив дыхание, я замечаю, что некоторые из них медленно двигаются. Что-то мне подсказывает, что, если долго стоять и смотреть, они разыграют партию, начатую давно умершими игроками.

Снова раздается смех. Я оборачиваюсь. Мальчишка свешивается с руки отдельно стоящего красного робота, застывшего с поднятым оружием, напоминающим по форме косу. Я

прыгаю вперед, намереваясь схватить сорванца, но его там уже нет. И я падаю во второй раз за время погони, приземляясь прямо на розовую клумбу.

Все еще не дыша, я медленно перекатываюсь в сторону. Шипы рвут одежду и кожу.

– Маленький негодяй, – говорю я. – Ты выиграл.

Яркий луч Фобоса – проходящего по небу за восемь часов – попадает в открытый шлем робота. Внутри что-то блестит, похоже на серебро. Я поднимаюсь на ноги, подхожу ближе и начинаю карабкаться вверх, цепляясь за доспехи. Марсианская гравитация облегчает задачу. Я роюсь в пыли внутри шлема и нащупываю металлический предмет. Это Часы, с массивным серебряным браслетом и бронзовым циферблатом. Стрелка прочно застыла на нуле. Я быстро прячу находку в карман для дальнейшего тщательного исследования.

Внизу раздаются шаги, и их сопровождает резкий запрос гевулота. Я не пытаюсь прятаться.

– Привет, Миели, – говорю я. – Я больше не могу бежать. Не отсылай меня, пожалуйста, в ад, я буду хорошо себя вести.

– Ад? – раздается сердитый голос. – Ад – это другие люди. – Я смотрю вниз. На меня уставился человек в синем костюме, опирающийся на грабли, беззаботно допустивший морщины на лице и седые волосы. – Знаешь, на нем не растут яблоки, – говорит он.

А потом хмурится.

– Будь я проклят. Это ты?

– Э, а мы встречались?

– Разве ты не Поль Сернин?

5. Сыщик и зоку

Исидор успевает почти вовремя. Паукб мчится по крышам города. Поездка обойдется ему в сотню килосекунд, но это единственный способ добраться до места. Он крепко держится за ремень безопасности. Экипаж – незаконнорожденный потомок паука, военной машины Г. Дж. Уэллса и такси – перепрыгивает через крыши и цепляется за стены, а кабину постоянно швыряет то назад, до вперед.

Он роняет коробку с шоколадом и ругается, увидев, как она мечется по всей кабине.

– Эй, сзади, у вас все в порядке? – спрашивает водитель, молодая женщина в традиционной красной маске с изображением паутины.

В постоянно меняющемся городе, где многие участки постоянно скрыты гевулотом, работа водителя состоит в том, чтобы определить, как доставить пассажира из пункта А в пункт Б. Подобное искусство рождает немалую гордость.

– Не беспокойтесь, я доставлю вас на место.

– Я в порядке, – говорит Исидор. – Быстрее, пожалуйста.

Колония зоку расположена в носовой части города, в Пыльном районе, как раз над тем местом, где Спокойные-атласы подготавливают марсианский песок, чтобы он выдержал тяжесть города. Границу колонии увидеть довольно легко: под красными пылевыми тучами широкие проспекты с фасадами в стиле Бель Эпок и вишневыми деревьями уступают место сказочным алмазным замкам, словно ожившим воплощениям математических законов. Вечерний свет преломляется и отражается на гладких призматических поверхностях, и слепит глаза. Колония зоку существует здесь уже двадцать лет, с тех пор как они попросили убежища во время Протокольной войны, но ходят слухи, что она выросла из наносемени за одну ночь. Осколок империи квантовой технологии, правящей внешними планетами здесь, на Марсе. С тех пор как Исидор стал встречаться с Пиксил, он пытался понять странное отсутствие иерархии у зоку, но все попытки ни к чему не привели.

Еще несколько головокружительных прыжков, и паукб останавливается. Они оказались перед похожим на собор зданием из стекла и света, с башенками, шпилями и готическими арками, выступающими из стен через равные промежутки.

– Вот мы и прибыли, – говорит водитель. – Друзья в высоких сферах, а? Не позволяйте им квантовать свой мозг.

Исидор расплачивается, горестно наблюдая, как сдвигается циферблат его Часов. Затем подбирает коробку с конфетами и оценивает повреждения. Она немного помялась, но в остальном выглядит целой. *В любом случае, она не сможет этого оценить.* Он выпрыгивает из такси и сильнее, чем это необходимо, хлопает дверцей. Затем направляется к лестнице, ведущей к массивным двустворчатым дверям. Галстук мешает ему дышать, и он нервно поправляет узел дрожащими пальцами.

– Вход только по приглашениям, – словно из-под земли раздается гулкий голос.

Из-за двери появляется монстр. Материя на его поверхности ведет себя как гладь вертикального пруда, покрывая фигуру существа мелкой рябью. На нем голубая униформа швейцара и фуражка. Привратник почти трех метров ростом, с зеленоватой кожей, похожим на сушеную сливу лицом, парой крошечных глаз и массивными желтыми клыками. В одном из них сверкает маленький бриллиант зоку. Голос чрезвычайно низкий и неестественно гулкий, но человеческий.

Монстр протягивает руку. Вдоль предплечья тянется ряд шипов – черных и острых, поблескивающих какой-то жидкостью. Пахнет от него лакрицей. Исидор невольно сглатывает.

– У меня имеется приглашение, – говорит он и поднимает руку с кольцом сцепления.

Монстр наклоняется и внимательно его изучает.

– Прием уже начался, – заявляет привратник. – Допуск гостей закончен.
– Послушай, – говорит он. – Я немного опоздал, но леди Пиксил ждет меня.
Уверен, что ждет.

Я у входа, посылает он отчаянное кват-сообщение. **Знаю, я опоздал, но я здесь. Впусти меня, пожалуйста.**

Ответа нет.

– Бесплезно, – роняет монстр. Затем откашливается, прочищая горло. – Посвященный сцеплению прием – это часть важной традиции, олицетворяющей единство и сплоченность зоку, возникшей во времена гильдий метавселенной наших предков. В этот торжественный день мы уподобляемся нашим предшественникам. И никто не станет прерывать церемонию из-за опоздавшего гостя.

– Если это так важно, – говорит Исидор, – то почему ты здесь?

Монстр проявляет признаки смущения.

– Оптимизация ресурсов, – бормочет он. – Кто-то должен остаться у дверей.

– Послушай, что такого случится, если ты меня пропустишь?

– Меня могут исключить из зоку, оставить без сцепления. Одного, на чужой планете.

Очень плохо.

– А если я... – Исидор колеблется. – Ну, попытаюсь тебя подкупить?

Монстр окидывает его пристальным взглядом.

Проклятье, неужели я его оскорбил?

– Камни? Драгоценности? Золото?

– Нет.

Пиксил, выйди ко мне. Это же абсурд!

– Шоколад?

– А что это такое?

– Бобы какао, прошедшие особую обработку. Очень вкусно. Для... э... базовых существ.

Вот это предназначается в подарок самой леди Пиксил. Попробуй одну.

Он пытается открыть коробку, потом теряет терпение и разрывает крышку. Затем бросает монстру изящно оформленный кусочек шоколада. Тот перехватывает его на лету.

– Вкусно, – говорит он. А потом выхватывает из рук Исидора всю коробку. Она исчезает в его глотке, сопровождаемая легким шуршанием. – Очень вкусно. А нельзя ли получить и спайм? В Царстве это понравится.

– Это и был спайм.

– Как?

– У меня ничего не осталось. Это был физический объект.

– Проклятье, – огорчается монстр. – Эх, парень, это чересчур. Мне очень жаль, правда. Я не хотел... Слушай, думаю, я смогу их отрыгнуть, и мы все уложим обратно.

– Ладно, все в порядке.

– Знаешь, это рефлекс. Это тело подвержено всем внешним стереотипам. Я уверен, что мог бы выкрутиться какой-нибудь копией, по крайней мере...

Монстр широко открывает рот и начинает засовывать туда руку, вывернув ее под немислимимым углом.

– Могу я просто войти?

В горле монстра что-то булькает.

– Конечно, конечно. Не стоит об этом и говорить. Я же не какой-нибудь подонок, верно?

Развлекайся.

Створки дверей распахиваются. Исидор входит – и мир тотчас резко изменяется. Что ему ненавистно в Пыльном районе, так это постоянные заигрывания с реальностью. Зоку даже не пытаются скрыть свои тайны под покровом повседневности, а набрасывают спаймы и рас-

ширения реальности слой за слоем на зрительные рецепторы вашего мозга, так что уже невозможно определить, что за ними скрывается. И неожиданное ощущение открытости, отсутствие ограничений гевулота вызывает у него нечто вроде головокружения.

Внутри нет ничего, похожего на алмазный храм. Он оказался перед входом в большое открытое помещение с трубами и проводами на стенах и высоким потолком. Воздух горячий, пахнет озоном и застарелым потом. Пол неприятно липкий. Тусклые неоновые лампы освещают древние на вид, громоздкие плоские экраны на низеньких столиках, показывающие аляповатые изображения каких-то символов или абстрактно движущиеся фигуры. Все помещение заполняет громкая музыка, от которой начинает болеть голова.

Участники вечеринки прогуливаются вокруг столов и беседуют друг с другом. Все они выглядят на удивление... по-человечески. На их бледных телах самодельные короткие кольчуги. У некоторых имеются мечи в мягких ножнах. Кое-кто одет в картонные коробки. Но все носят с собой ящички с проводами или схемные платы, подвешенные к поясу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.